

романтический триллер
фиктивный брак

T9

Агент T9.
МЕНЯ
нельзя убить

Ляля Либерман

18+

Ляля Либерман

Фиктивный брак. Агент Т9. Меня нельзя убить.

<https://litres.ru/74581572>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она хотела написать: «Меня нельзя любить». Т9 отправил: «Меня нельзя убить». Её босс решил, что она шпионка. Взял и женился на ней. Фиктивно. А потом началась настоящая охота. Или любовь. Или одно из двух.

Ли́ка — девушка, которую преследует автозамена в телефоне. Марк — мужчина, который преследует её по собственной инициативе. Вместе они ищут убийц, разыгрывают фиктивный брак и многое-многое другое. Понимают, что притворяться больше не нужно. И расстаются. Или нет. Или одно из двух. Очень смешно, немного грустно, совсем чуть-чуть опасно и бесконечно нежно.

P.S. Т9 не несёт ответственности за ваши сердечные приступы от смеха и нежности. Иногда — он главный сводник. И тот еще гад.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	48
Глава 4	75
Глава 5	96
Глава 6	117
Глава 7	140
Глава 8	163
Глава 9	187

Ляля Либерман

Фиктивный брак. Агент Т9. Меня нельзя убить.

Глава 1

ГЛАВА 1. НАЧАЛО

Лика Соболева сидела на кухне в своей съёмной квартире и пыталась составить резюме. Так, чтобы в нём не было видно главного. Она отчаянно нуждалась в работе, деньгах и маленьком чуде размером с зарплату. За первый месяц. Хотя бы.

Квартира была «уютной», как такие называют риелторы с крепкой нервной системой. Одна комната, кухня на полтора человека, обои цвета старого печенья. Шкаф, который скрипел даже от взгляда. Батарея, решившая, что отопительный сезон — это философская концепция, а не обязанность. За окном темнело. Окраина города жила своей обычной вечерней жизнью. Где-то хлопали подъездные двери, ругался пьяный мужчина. Ребёнок плакал навзрыд, будто уже понял устройство взрослого мира. На столе горела настольная лампа, ноутбук светил пустым документом, а рядом лежал теле-

фон.

Телефон Лика не любила.

То есть, конечно, любила. Он был её связью с мамой, вакансии через него открывались быстрее, чем на старом ноутбуке. Да и будильник в нём громкий, настойчивый. Почти коллектор. Но в телефоне жил Т9. А Т9 был не функцией. Отнюдь! Т9 был личностью. Пакостной, непредсказуемой и, как подозревала Лика, влюблённой в хаос.

Он портил всё.

Стоило ей написать «спасибо», он предлагал вариант «спаси ты бог». Стоило написать «буду через десять минут», он превращал это в «была через десять мужей». Однажды Лика отправила начальнице: «Отчёт готов, сейчас принесу». А ушло: «Отчёт сдох, сейчас разнесу». Начальница тогда долго смотрела на неё поверх очков. Высказала, что бухгалтерия — не место для творческого самовыражения.

После того случая Лику вежливо попросили «поискать себя». В другом, менее нервном, месте. Она искала уже второй месяц. Пока находила только просрочки, макароны по акции и вакансии, в которых жирным шрифтом значилось: «внимательность», «грамотность», «аккуратность». И самое любимое «стрессоустойчивость».

Лика вздохнула и посмотрела в раздел «О себе». Выглядел откровенно издевательски. Белое поле требовало уверенности, достижений и карьерных амбиций. На сегодня у неё из достижений было только то, что не расплакалась в

магазине. А кассир спросила всего-то, нужен ли пакет. Она набрала: «Ответственная, быстро обучаюсь, стрессоустойчивая (бог уже с ними)». Потом посмотрела на длинное слово и честно стёрла. Вчера она испугалась собственного отражения в неосвещенном окне. Волосы в пучке легли так, будто за ней стоял человек.

Мужских голосов за спиной она боялась не меньше. Негативный опыт, знаете ли. Громких шагов — тоже. Резких движений, хлопнувших дверей, внезапных звонков со странных номеров. После Артёма тело жило отдельно от головы. Давно объяснила себе сама, что она ушла. Он в прошлом. Она в другой квартире, районе, под чужим небом и даже с новым номером телефона. А тело всё равно вздрагивало, когда соседи сверху роняли что-то тяжёлое. Тело не признавало умных статей о восстановлении и релаксации. Оно помнило.

Телефон завибрировал. Лица вздрогнула так, что чуть не задела локтем кружку. На экране высветилось: «Мама».

Голосовое.

Лица сразу поняла, что хороших новостей не будет. У мамы была особая интонация для плохих новостей. Всегда мягкая, виноватая. Точно она лично подвела весь организм, а теперь ещё и мешает дочери жить.

— Ликусь, ты только не переживай, — произнесла Татьяна Васильевна с той самой интонацией, от которой у Лики внутри всё сжалось в маленький холодный комочек. — Я сегодня была у врача. Он сказал, что лучше бы не тянуть. Ана-

лизы опять не очень. Но ты не волнуйся, я записалась ещё к одному специалисту. Может, всё обойдётся. Без вмешательства.

Лика закрыла глаза. «Может, обойдётся». На мамином языке означало: «Не обойдётся, но мы не будем расстраиваться». Мама всю жизнь так говорила. Когда отец ушёл, сказала: «Он просто устал». Когда денег не хватало, говорила: «Зато гречка полезная». У неё впервые прихватило почки, а она сказала: «Возраст, доченька, что ты хочешь». А теперь говорила про операцию, будто это что-то вроде замены пуговицы на пальто. Незаметной и не обязательной пуговицы.

Голосовое продолжалось:

— Ты там сама, как? Ела? Работу ищешь? Ты у меня умница, Ликусь. Просто тебе пока не попадались нормальные люди. Но попадутся. Главное, не опускай руки.

Лика посмотрела на свои руки. На тонкие замёрзшие пальцы, не спасали даже шерстяные носки и старый свитер. Маленький порез возле ногтя. Дешёвый крем рядом с ноутбуком. Руки многое умели. Они держались за поручень в переполненном автобусе, пересчитывали последние деньги, стирали слёзы так, чтобы тушь не размазалась. А то слишком трагично. Но аккуратно жить они не умели. Всё роняли, путали, ломали — кроме, почему-то, её самой. Не сломали до конца. Не удавалось найти слабое место.

Она взяла телефон и начала писать: «Мамочка, поняла. Правда. Всё будет хорошо».

Т9 проснулся мгновенно. Как будто только этого и ждал. «Мамочка, кредит взяла. Правда. Всё будет хорошо». Лика уставилась на экран.

—Кредит? — тихо спросила она. — Она с ума сойдет. Стёрла фразу и набрала снова: «Я найду работу».

Т9 предложил, явно коварно усмехаясь: «Работоторговля работает».

— Великолепно, — зарычала Лика. — Из бедности сразу в уголовный кодекс. Карьерный рост.

Телефон лежал в её руке невинно, как кот. Только что сбросивший вазу и сделавший вид, что это гравитация виновата. Лика набрала коротко, почти без риска: «Мам, я рядом. Всё решим. Люблю». Проверила каждое слово, потом ещё раз, затем третий. С Т9 нельзя было расслабляться даже на слове «мам». Только после этого отправила.

Сообщение ушло нормально. Маленькая победа. Настолько маленькая, что её можно было завернуть в чек из аптеки и положить в пустой кошелёк. На долгую память.

Лика вернулась к резюме. Ей нужно было написать что-то про опыт работы. Официантка — три месяца, до случая с подносом и мужчиной в белом костюме. Зато он сразу нашел необходимый колор для своей студии. Администратор — полгода, до того, как она перепутала даты записи и отправила двух клиентов на один массажный стол. Зато они потом поженились! Помощник бухгалтера — месяц и двенадцать дней, до «сдохшего отчёта». Всё это выглядело не как трудо-

вой путь, а как серия диверсий против малого бизнеса. Отдельно взятого города.

Она открыла сайт вакансий. Интернет задумался. Потом всё-таки загрузил страницу, как старый конь, который не испортит. Неприятно, но надо.

«Помощник руководителя. Требования: грамотная письменная речь, внимательность к деталям, умение работать в режиме многозадачности».

Ли́ка закрыла вкладку. Многозадачность была ее коньком. Если она одновременно пила чай и думала о будущем, чай оказывался на свитере.

«Администратор в клинику. Требования: стрессоустойчивость, пунктуальность, аккуратность».

Мимо. Она однажды опоздала на собеседование, потому что вышла на час раньше, села не на тот автобус и оказалась возле крематория. Судьба явно подмигивала, но Ли́ка тогда не оценила.

«Оператор колл-центра. Холодные звонки».

Ли́ка содрогнулась. Холодные звонки были страшнее бедности. Почти. А ведь где-то еще ходили и плакали горячие.

Телефон снова завибрировал.

На этот раз на экране возникло имя, которое она давно должна была удалить. Потом заблокировать. Следом мысленно сжечь вместе со всеми воспоминаниями. Но оно всё ещё жило в старых чатах, как плесень в углу. Почти не видно, пока не подойдёшь близко.

Артём.

Ли́ка не сразу открыла сообщение. Сначала просто смотрела на экран, и в груди становилось тесно. Три года прошло, а тело всё равно вспоминало. Его голос, улыбку при людях. Пальцы на её запястье, когда он говорил тихо: «Не позорь меня». Фразу: «Кто тебя такую полюбит?» Произнесённую так спокойно, будто он читал прогноз погоды. После него она долго не могла смотреть мужчинам в глаза. Не потому что все были плохими. А потому что хороший взгляд от плохого она больше не умела отличать. Не получалось.

Сообщение было коротким.

«Жива?»

Ни «привет». Ни «как дела». Или «извини». Проверка имущества при частичной инвентаризации. Будто она была старой вещью, оставленной в кладовке. Не разбилась ли, не отсырела ли, можно ли при случае забрать обратно. И – да! Примерно очистить от скверны.

Ли́ка почувствовала, как в ней поднимается злость. Сначала слабая, неуверенная. Потом горячее. Врач из бесплатного психологического центра говорил ей: «Не вступайте в контакт». Подруга, с которой они когда-то вместе работали в кафе, говорила: «Заблокируй его, Лик. Просто заблокируй». Мама ничего не говорила, потому что Ли́ка так и не рассказала ей правду. Сказала только, что они расстались. Потому что «не сошлись характерами». Точнее, характер у Артёма был один, взрывной, а синяков у Ли́ки — много.

Она должна была закрыть чат. Нажать «заблокировать». Но внутри вдруг шевельнулось глупое, стыдное желание проверить. А имеет ли он ещё над ней власть? Она напишет что-то нелепое, он ответит холодно. И если ей не станет больно — значит, всё, она свободна. Странная логика. Но у Лики вообще с логикой в личной жизни были отношения сложные. Они редко встречались и почти не здоровались. Никогда. Чужие люди и направления.

Она набрала: «Я тебя ещё люблю».

Посмотрела на фразу и скривилась.

— Господи, какая мерзость, — прошептала она. — Лабораторный эксперимент. На мышках. Мыши — это я.

Она уже хотела стереть сообщение, но палец соскользнул. Т9, мерзавец в цифровом плаще, успел первым.

Сообщение ушло.

«Я тебя ещё склюю».

Лица замерла. Потом медленно поднесла телефон ближе к лицу, надеясь, что у неё начались галлюцинации от дешёвого чая. Но нет. Там было именно это. «склюю». Двумя беспринципными «юю». И видом человека, который не только унизился, но и сделал это в детском саду на утреннике. Вряд ли трезвым.

— Ты чудовище, — прошипела Лица телефону. — Маленькое мерзкое чёрное чудовище с экраном.

Две галочки стали синими. Артём ответил почти сразу: «Ты пьяна? Иди домой».

Ли́ка прочитала. Потом ещё раз. Поняла, что не плачет. Раньше такая фраза выбила бы из неё воздух. Она бы кинулась бы объяснять, что не пьяна. Это ошибка, что она нормальная. Раньше бы извинялась даже за автозамену. Рядом с Артёмом извиняться было её естественным состоянием, как дышать.

А сейчас она просто сидела на кухне в старом пледе и злилась. Не разрушительно. Вживую.

— Сам иди домой, — рявкнула она и даже рукой махнула. — В ад. Там, кажется, как раз освободилась койка. С видом на твоё эго.

Она открыла настройки чата. Палец завис над кнопкой «Заблокировать». Страх попытался поднять голову. Он мог разозлиться, а вдруг найдёт, а если это спровоцирует? Но следом пришла другая мысль, неожиданно спокойная. Он и так всегда злился, находил и провоцировался. Её безопасность не зависела от его настроения. По крайней мере, она очень хотела в это верить.

Ли́ка нажала «Заблокировать».

Имя исчезло.

В квартире ничего не изменилось. Батарея не потеплела. Кошелёк не наполнился. Мама не выздоровела. Но где-то внутри будто закрылась маленькая дверь, из-за которой слишком долго тянуло сквозняком.

Ли́ка выдохнула и потянулась за кружкой. Разумеется, задела её локтем.

Кружка упала на пол и разбилась.

— Отлично, — проворчала Лика, глядя на осколки. — Теперь у меня ещё и символический быт. Разбитая кружка как метафора личной жизни. Не хватает только скрипки и дождя.

За окном тут же застучал дождь.

Лика подняла глаза к потолку.

— Я не просила спецэффекты. Не сегодня.

Она собрала осколки. Порезала палец, промыла холодной водой и вернулась к столу. Уже с ощущением, что вечер перешёл в жанр трагикомедии без её согласия. Но работу всё равно надо было искать. Деньги сами в кошелёк не приходили. Максимум — уходили. С такой скоростью, будто у них был любовник в другой стране.

Она листала вакансии ещё минут десять, пока не увидела объявление. Выглядело, точно его написали люди серьёзные, опасные и совершенно не готовые к Лике Соболевой.

«Охранное агентство «Белозёров и партнёры» ищет помощника в административный отдел».

Название было внушительное. «Белозёров и партнёры» звучало не как место, где пьют растворимый кофе из кружек с котиками. Это звучало как стеклянный офис, строгий пропускной режим. Мужчины в чёрных костюмах и папки, на которых написано: «Совершенно секретно. Не открывать». Особенно, если вы нервная блондинка.

Лика открыла вакансию. Зарплата была хорошей. Не ска-

зочной, конечно. Не такой, чтобы купить маме новую почку и себе другую нервную систему. Но такой, чтобы оплатить обследования, лекарства, часть операции. Не считать в магазине, сколько стоит один кусочек сыра. Если разрезать его на семь частей. Недельку.

Требования она читала с осторожностью, как минное поле. Грамотность, ответственность, конфиденциальность, умение работать с документами. На слове «конфиденциальность» Лика даже оживилась. Конфиденциальность ей подходила. Она столько лет скрывала от мамы правду про Артёма, что могла бы вести секретные архивы государства. Правда, документы в её руках имели привычку падать, пачкаться чаем и исчезать под диваном. Но об этом работодатель мог узнать позже. После подписания договора. Желательно бессрочного.

Она представила себя в охранном агентстве. В строгой юбке, белой блузке, с собранными волосами. Она уверенно идёт по коридору, несёт папку, все расступаются. Кто-то шепчет: «Это Соболева. С ней лучше не шутить». В воображении она даже не спотыкалась.

В реальности она пошевелила ногой и ударилась коленом о ножку стола.

— Агент Соболева ранена при исполнении табуреточной миссии, — пробормотала она, массируя ушиб. — Но продолжает операцию.

Кнопка «Откликнуться» была синей, яркой и пугающей.

Ли́ка нажала её, пока не передумала. Сайт предложил написать сопроводительное письмо.

Вот тут стало опасно.

Она посмотрела на телефон.

— Слушай сюда, — сказала она ему строго. — Сейчас мы отправляем деловое сообщение. Деловое. Это значит: без постыдных признаний, работорговли, склюю. Ты просто лежишь и не вмешиваешься. Я пишу. И мы оба выживаем.

Телефон, конечно, ничего не обещал. У него вообще была такая форма молчания, после которой обычно начинался позор. И жестокие провокации.

Ли́ка решила перестраховаться. Сначала написать текст в заметках, потом скопировать, вставить, потом проверить. Она открыла заметки и набрала: «Добрый вечер. Меня заинтересовала ваша вакансия. Хочу работать в вашей компании. Готова прийти на собеседование в любое удобное время».

Она прочитала текст. Потом ещё раз. Медленно, по словам. Всё было нормально. Вежливо. Даже почти элегантно. «Хочу работать в вашей компании» звучало как фраза человека, у которого есть диплом, график сна и хотя бы две целые кружки.

Ли́ка скопировала текст и вставила в форму отклика. На секунду отвлеклась: пришло новое сообщение от мамы. «Дочь, не забудь поесть. Я тебя люблю». У Ли́ки дрогнуло сердце. Она улыбнулась, смахнула уведомление и в это же мгновение случайно нажала «Отправить».

Отклик ушёл.

— Ничего страшного, — сказала она себе. — Я же проверила. Всё проверила. Я теперь человек-контроль. Женщина-аудит. Блондинка с внутренним бухгалтером.

Сайт показал копию отправленного сообщения.

Ли́ка сначала смотрела спокойно. Потом взгляд зацепился за середину текста, и внутренний бухгалтер умер от инфаркта.

«Добра и вечера. Я ваш интерес. Хочу работать с вами в постели. Готова пройти все. На собеседование любое время удобное мне».

Кухня замерла. Дождь за окном будто тоже притих, чтобы лучше рассмотреть катастрофу. Ли́ка перечитала фразу медленно. С надеждой, что мозг просто устал и подменил буквы из вредности. Но буквы были на месте. Все. Особенно те, которые превращали «кампанию» в «постель» и её профессиональную инициативу — в уголовно-неловкое предложение незнакомому мужчине.

— Нет, — очень попросила она.

Ноутбук не ответил.

— Нет-нет-нет, — повторила Ли́ка уже громче. — Почему постель? Почему не «кампания»? Я могла бы хотеть работать в вашей кампании. Ну, подумают, что я политически активная. Странно, но не смертельно. Почему сразу постель, цифровой ты сутенёр?!

Телефон лежал рядом с видом святого мученика. На экра-

не мигали жалкие девять процентов заряда. Видимо, Т9 совершил диверсию и теперь собирался красиво умереть, оставив её разбираться с последствиями.

Ли́ка вскочила, запуталась в плёде, чуть не упала, но удержалась за стол. Полноценная паника в её квартиру не помещалась. Она ходила туда-сюда между холодильником и подоконником, делая два с половиной шага в одну сторону и два с половиной обратно. Надо было отменить заявку. Должна же быть кнопка «вернуть достоинство». Должна быть где-то в интернете функция «не это имела в виду, я бедная и нервная».

Кнопки не было. Была только надпись: «Отправлено работодателю».

Ли́ка открыла профиль компании. «Частная охрана. Сопровождение. Защита бизнеса. Проверка благонадёжности. Конфиденциальные расследования». Последние слова доби́ли её окончательно. Конфиденциальные расследования. Прекрасно. Сейчас они конфиденциально расследуют, почему соискательница административной должности хочет работать в постели генерального директора. В основном, с ним. Ерш твою медь!

Она представила огромный кабинет. Жалюзи. Камеры. Карта города на стене. Мужчина в чёрных очках читает её заявку. Медленно поднимает голову и говорит в рацию: «Кирилл, у нас нестандартный объект. Возможно, провокация. Жестокая отчаявшаяся блондинка. В любом случае, возьми

наручники, плетъ и транквилизаторы для слона. Операция «Сафари» начинается».

От этой мысли Лика застонала и закрыла лицо руками.

Телефон завибрировал.

Она подпрыгнула так, будто наручники уже щёлкнули за спиной. На экране появилось новое уведомление. Ответ работодателя. Прошла всего минута. Одна минута. То есть где-то там Марк Андреевич Белозёров не просто получил её сообщение, а прочитал его сразу. Быстро. Внимательно. Возможно, с участием службы безопасности и психолога. Не будем себе льстить. Психиатра.

Лика открыла ответ с тем чувством, с каким люди открывают результаты анализов, повестку в суд и сообщения от бывших после полуночи.

Отправитель: «Марк Андреевич Белозёров».

Само имя выглядело так, будто могло уволить её без собеседования.

Сообщение было коротким.

«Приходите на собеседование завтра в 10.00. Принесите паспорт и фантазию. Или что там у вас есть еще».

Лика села. На стул на этот раз попала. Не сразу поняла, что это удача.

Паспорт и фантазию. Или что-нибудь. Еще.

Она перечитала. Потом ещё раз. Затем третий — уже в надежде, что Т9 успел испортить и входящее сообщение тоже. А на самом деле там было «паспорт и фотографию». Но

нет. Там была именно фантазия. Марк Андреевич Белозёров, владелец охранного агентства, человек с фамилией как засекреченный снегопад, приглашал её на собеседование после фразы «хочу работать в вашей постели» и просил принести фантазию! Да он храбрец!

Лика почувствовала, как лицо заливает жаром. Стыд был такой плотный, что им можно было утеплить батарею. Но вместе со стыдом внутри шевельнулось что-то ещё. Маленькое, неправильное, совершенно неуместное. Любопытство. Кто так отвечает? Нормальный мужчина написал бы: «Вы ошиблись адресом». Ненормальный написал бы что-нибудь мерзкое. А этот ответил сухо, вежливо. Так, будто уже завёл на неё дело.

— Не пойду, — твердо сказала Лика. — Конечно, не пойду. Я уважающая себя женщина. Я не хожу на собеседования, где из документов требуют паспорт и фантазию.

Она сказала это уверенно. Почти. Потом посмотрела на кошелёк.

Кошелёк лежал раскрытый, такая маленькая кожаная бездна. В нём было триста сорок рублей, старая скидочная карта, чек из аптеки. И монетка, которую автомат с кофе не принял из принципа. На чеке была сумма за мамины лекарства. Лика посмотрела на неё и почувствовала, как вся её гордая женская позиция сдувается. Точно шарик после детского праздника.

Телефон снова мигнул. Мама прислала ещё одно голосо-

вое.

— Ликусь, я тут подумала, ты только всё на себя не бери, хорошо? Я взрослая. Если что, подождём. Не надо тебе из-за меня хвататься за первую попавшуюся работу.

Лица закрыла глаза.

Ждать было нельзя. Болезнь, арендодатель и цены в аптеке не ждали. Даже макароны по акции заканчивались быстрее, чем вера в стабильность.

Она открыла черновик ответа Марку Андреевичу. Надо было написать: «Прошу прощения, произошла ошибка автозамены». Нормальная фраза. Вменяемая. Спасаящая остатки репутации.

Она набрала: «Прошу прощения, произошла ошибка автозамены».

Т9 мгновенно предложил: «Нет прощения. Рассмотреть ошибку автозахвата».

Лица застыла.

— В охрannое агентство? — тихо спросила она. — Ты теперь ещё и тематически работаешь?

Стёрла. Написала: «Это Т9».

Телефон поправил, ему понравилось: «Мой тигр».

Лица медленно положила телефон на стол.

— Всё. Больше мы не пишем. Мы завтра придём, будем умолять простить и лично умирем.

Эта мысль была абсурдной, пугающей и почему-то единственно рабочей. Лица представила, как входит в офис и го-

ворит: «Здравствуйте, я та самая, в постель». Нет. Не так. «Здравствуйте, я по вакансии. Постельной». Уже лучше. А если он спросит, по какой именно части вакансии? Нет, нельзя об этом думать. Думать вообще вредно, особенно после десяти вечера и при остатке денег триста сорок рублей.

Она закрыла лицо руками.

— Почему Т9 ненавидит меня? — спросила Лика тёмную кухню. — Ну что я ему сделала?

Телефон молчал. Конечно. Убийцы всегда молчат после преступления. Наслаждаются ощущениями.

Лика решила не идти. Твёрдо, окончательно, с достоинством. Она не будет позориться перед незнакомым мужчиной. Вдруг, он носит пистолет, чёрный костюм и презрение к людям с автозаменой. Она найдёт другую работу. Простую. Безопасную. Такую, где никто не будет просить фантазию. И что-нибудь еще!

Она снова открыла сайт вакансий.

«Расклейщик объявлений. Оплата ежедневно».

«Ночная уборщица. График с 22.00 до 6.00».

«Оператор колл-центра. Холодные звонки. План продаж».

Лика закрыла ноутбук.

Потом снова открыла сообщение Марка.

«Приходите на собеседование завтра в 10.00. Принесите паспорт и фантазию. И что...».

В глубине этого кошмара была крошечная искра. Не на-

дежда даже. Скорее упрямство. Если уж жизнь решила окончательно выставить её душой, можно было хотя бы попробовать получить за это зарплату. Маленькую!

Лица посмотрела на своё отражение в тёмном экране телефона. Бледное лицо, большие голубые глаза, растрёпанные светлые волосы, свитер с растянутым воротом. На роковую женщину она не тянула. На шпионку — тем более. Максимум на человека, которого случайно занесло в чужой жанр. Занесло и брякнуло о стену.

Она вздохнула:

— Ладно. Умру, но с достоинством.

Телефон мигнул последними восемью процентами заряда.

Лице показалось, если бы у Т9 было лицо, он бы сейчас улыбался.

Глава 2

ГЛАВА 2. ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ ПЛАЩЕ

Утром Лика поняла две вещи. Первая: она всё-таки не умерла от стыда во сне, хотя организм явно рассматривал этот вариант. Вторая: идти на собеседование в охранный агентствo после фразы «хочу работать с вами в постели» было не смелостью, а редкой формой финансового безумия.

Она стояла перед зеркалом в прихожей, если это можно было назвать прихожей. На самом деле это был квадрат пола между входной дверью, шкафом и ковриком с надписью «Welcome». Щедро купленным прежними жильцами с мрачным чувством юмора. Лика смотрела на своё отражение и пыталась выглядеть как человек, которого можно взять на работу. А не как женщина, которую нужно срочно накормить, обнять и отобрать телефон.

На ней были тёмные джинсы, белая рубашка, найденная на дне шкафа в состоянии «почти прилично». И серый жакет, который мама когда-то назвала «деловым». Жакет был чуть велик в плечах и делал Лику похожей на школьницу, пришедшую защищать диплом по экономике. Хотя в душе она всё ещё пыталась защититься от будильника. Волосы собрала в низкий пучок. Хвост-пучок держался плохо, зато честно. Из него уже выбивалась светлая прядь, как флаг ка-

питуляции. Полной.

На столике лежал паспорт. Рядом — телефон. Лика смотрела на него так, как смотрят на сообщника - предателя. Он только вчера продал тебя мафии, а сегодня предлагает подвезти.

— Ты остаёшься в сумке, — угрожала она телефону. — Молчишь. Не исправляешь. Мы с тобой сегодня два незнакомых человека. Но! Я за тобой слежу!

Телефон показал заряд восемьдесят семь процентов. То есть был полон сил для новых преступлений.

Лика сунула его в сумку, проверила паспорт, кошелёк, резюме, ещё раз паспорт. И СНИЛС. Не понятно, зачем. Вышла из квартиры. У двери она замерла. Хотелось вернуться, завернуться в плед и написать Марку Андреевичу, что она умерла. Но писать было опасно. Телефон мог заменить «умерла» на «умрешь первым», а это уже тянуло не на отказ от собеседования. Скорее на начало очень плохого сериала.

До центра она ехала на автобусе и метро, держа сумку обеими руками. Люди вокруг были обычные. Кто-то сонно листал новости, кто-то пил кофе из бумажного стакана, а кто-то разговаривал по послушному телефону. Таким голосом, будто управлял судьбами мира. Хотя обсуждал доставку плитки. Лика пыталась думать о чём угодно, кроме фразы «принесите паспорт и фантазию». Фантазию она не принесла. Она честно искала её утром среди носков, чеков и тревожных мыслей, но нашла только старую шоколадку с назва-

нием «Фантазия». И на секунду даже подумала взять её с собой. Потом решила, что появиться на собеседовании с паспортом и шоколадкой, это уже перформанс. И совершенно случайно съела ее. Ну, так. Хотела только откусить. Один раз.

Здание «Белозёров и партнёры» находилось в деловом центре. Среди стекла, бетона и людей, которые умели ходить быстро, не спотыкаясь о собственную жизнь. Оно было высоким, строгим и блестящим. Такой дорогой холодильник для человеческих надежд. У входа вращались стеклянные двери. Лика минуту смотрела на них с подозрением. Вращающиеся двери не любили неуклюжих людей. Особенно Лику.

— Спокойно, — прошептала она себе. — Ты взрослая женщина. Ты умеешь входить в здания.

На третьем обороте дверь мягко вытолкнула её внутрь, как сомнительный груз.

Холл пах дорогим кофе, бумагой и деньгами, которые никогда не видели макарон по акции. Мраморная стойка ресепшен блестела так, что Лика невольно выпрямилась. На стене висел логотип: «Белозёров и партнёры». Буквы были чёрные, строгие, уверенные в себе. Примерно такие буквы могли бы задержать человека без объяснения причин. И даже применить меры воздействия.

У входа стоял охранник. Большой. Молчаливый. В идеально сидящем костюме. Он посмотрел на Лику так, будто уже знал про постель. Теперь решал, является ли она угрозой

национальной безопасности или просто социальным недоразумением.

Лица нервно улыбнулась.

Охранник не улыбнулся в ответ.

Это было нечестно, но ожидаемо. У него было лицо человека, которому для улыбки нужно отдельное распоряжение руководства.

— Я на собеседование, — неожиданно для себя тоненько пропищала Лица. — К Марку Андреевичу. Белозёрову. Он сам... В смысле, меня пригласили! Не лично! То есть лично, но письменно. Я не сама! Ну, сама, конечно, ногами, но...

Тут ей показалось, что ситуация стала несколько запутанной. И решила пояснить:

— А на счет постели, это вообще не я. Это Марк Андреевич, наверное, понял не так...

Охранник молча протянул руку.

Лица секунду смотрела на неё в сомнениях. Было три варианта: плюнуть, пожать и поцеловать. Её терзали смутные сомнения. И только потом она поняла, что нужен паспорт. Полезла в сумку, зацепилась пальцами за подкладку. Дернула сильнее. Вытащила сначала ключи, потом пачку салфеток, затем резюме, которое тут же согнулось пополам. Следом телефон, который решил блеснуть экраном, и наконец, паспорт.

Телефон в этот момент зажёгся уведомлением. Мама.

«Ликусь, ты дошла?»

Лика быстро нажала ответить, потому что мама могла начать волноваться. Набрала: «Я в офисе, всё хорошо».

Т9 предложил: «Офигительно всё хорошо».

Лика посмотрела на экран.

— Тоже правда, — прошептала она, но отправлять не стала.

Охранник всё это видел. Его лицо не изменилось. Видимо, человек служил в таких местах, где «офигительно все» считалось рабочим состоянием.

Он проверил паспорт, выдал временный пропуск и кивнул в сторону стойки. Без слов. Вообще без слов. Лика почти восхитилась. Вот бы ей так. Молчать и вызывать уважение, а не открыть рот и устраивать утечку достоинства.

За стойкой сидела женщина лет шестидесяти с лишним. Низкая, полноватая, в очках с толстыми линзами. В тёплой вязаной кофте цвета топлёного молока. Она совершенно не вписывалась в мрамор, стекло и охранников, зато от неё пахло пирожками. И это сразу делало окружающий мир мир менее враждебным.

— Соболева Анжелика Владимировна? — официально спросила она, посмотрев на монитор.

— Да. То есть да, это я. Лика. С фант... — Лика резко прикусила язык. — С паспортом.

Женщина медленно подняла на неё глаза. Взгляд у неё был добрый, внимательный. Лика поняла и приуныла. Эта женщина знала всё. Вообще всё. Вероятно, даже то, где в

детстве Лика спрятала мамину помаду и почему потом три дня ходила с розовой кошкой.

— Я Зинаида Петровна, — представилась женщина. — Секретарь Марка Андреевича. Проходите, милочка. Он ждёт.

«Ждёт» прозвучало почти как «капут».

Лика сглотнула и пошла за Зинаидой Петровной к лифтам. Каблуков она не надела из соображений общественной безопасности, поэтому была в аккуратных кедах. Самых приличных из всех, что у неё были. Всё равно на блестящем полу она чувствовала себя так, будто любой шаг мог стать последним. Пол был слишком гладкий и дорогой. На нём хотелось поскользнуться с размахом и войти в историю компании как кандидатка, уничтожающая мрамор лицом.

Лифт поднял их на последний этаж почти бесшумно. Лика смотрела на цифры и думала, что это похоже на обратный отсчёт. Чем выше они поднимались, тем ниже опускалось её самомнение.

— Не бойтесь, — вдруг участливо сказала Зинаида Петровна.

Лика вздрогнула. И сделала отважное лицо.

— Я не боюсь.

Зинаида Петровна мягко улыбнулась.

— Конечно. Вы просто держите сумку так, будто там сердце в контейнере.

Лика посмотрела на свои руки. Действительно. Сумка бы-

ла прижата к груди с такой силой, что паспорт внутри мог получить травму.

— Я немного нервничаю, — призналась она.

— Это нормально. Перед Марком Андреевичем все нервничают.

— А после?

— После по-разному. Кто-то увольняется. Кто-то влюбляется. Другие просят перевести их в архив без окон.

Лица нервно рассмеялась. Зинаида Петровна не выглядела шутницей. Это тревожило.

Двери лифта открылись. Последний этаж оказался тихим, почти стерильным. Серые стены, тёмные двери, мягкий ковёр, поглощающий шаги. На стенах висели фотографии города с высоты. Лица почему-то сразу представила, что где-то здесь есть комната с мониторами. На которых видно каждую улицу, голубя и человека. Который когда-нибудь написал «постель» вместо «кампания».

Кабинет Марка Андреевича находился в конце коридора. Дверь чёрная. Матовая. Без таблички. Только маленькая металлическая буква «Б», как отметка на деле.

Зинаида Петровна постучала один раз и, не дожидаясь ответа, открыла.

— Марк Андреевич, к вам Соболева Анжелика Владимировна.

В кабинете было темно.

За панорамными окнами висело серое утреннее небо. Го-

род лежал внизу мокрый и равнодушный, а на огромном столе горела настольная лампа с тяжёлым чёрным абажуром. Но остальное пространство тонуло в полумраке. Чёрная кожаная мебель, чёрные стеллажи, тёмные карты на стенах. Контрастные схемы с линиями, фотографии зданий, какие-то отметки и папки. Кабинет выглядел так, будто здесь не проводили собеседования. А просто решали, кто исчезнет до обеда.

И в глубине, за огромным столом, сидел человек. Спиной к двери. В чёрном плаще. И чёрной шляпе. Лица замерла на пороге. Первой мыслью было: «Он серьёзно?» Второй: «Боже, он серьёзно». Третьей: «Может, это не собеседование, а квест? И сейчас нужно найти подсказку под ковром».

Зинаида Петровна деликатно подтолкнула её взглядом и закрыла дверь. Щелчок замка прозвучал слишком окончательно. Лица осталась одна. С человеком в чёрном плаще.

Несколько секунд ничего не происходило. Человек сидел неподвижно, словно ждал, когда грянет музыка. Лица уже почти решила, что ей нужно самой поздороваться. Но! В этот момент кресло медленно повернулось.

Марк Андреевич Белозёров оказался блондином.

Неожиданно. Лица почему-то ждала брюнета с тяжёлым подбородком и взглядом налоговой проверки. А перед ней сидел мужчина лет двадцати девяти. Высокий даже в кресле, с короткими пепельно-светлыми волосами, резкими скулами и лицом, которое было слишком красивым. Чтобы быть доб-

рым, и слишком холодным, чтобы быть безопасным. На нём был чёрный костюм, чёрная рубашка, чёрный плащ. Шляпу он уже снял, значит, не всё потеряно, — и чёрные очки.

В помещении. Утром. При сером небе.

Черт. У него точно фингал под глазом!

Ли́ка уставилась на очки. Потом опомнилась, и тут же заставила себя смотреть куда угодно, только не туда. Например, на стол. Стол был огромный, без единой лишней бумаги. Ручка лежала строго параллельно краю. Папка — ровно по центру. Чашка кофе — на идеальном расстоянии от ноутбука. У Ли́ки дома даже пыль лежала хаотично, а здесь, кажется, подчинялась уставу.

Марк молчал. Ли́ка тоже молчала.

Потом он сказал:

— Вы — та самая, которая хочет работать в моей постели?

Голос у него был низкий, спокойный и совершенно невозмутимый. Так, наверное, сообщают, что объект обезврежен, свидетели отсутствуют, погода пасмурная. Все свободны!

Ли́ка вспыхнула так резко, что, возможно, осветила кабинет лучше лампы.

— Нет! То есть да! То есть я та самая, но не в смысле постели. Я хотела в кампанию. В вашей компании. Работать. Нормально. Документы, звонки, кофе, скрепки, вот это всё. Не постель. Никогда. То есть вообще когда-нибудь, наверное, у людей бывают постели, но не с работодателем. И не в первый рабочий день. И не до трудового договора. Нет, это

не значит, что если день не первые и трудовой договор подписан, то...

Она замолчала, потому что поняла одно. Чем больше объясняет, тем глубже закапывает себя. Карьера, уже видела на дне ямы лежащей её репутацию и махала лопатой. Или рукой. На прощание.

Марк не улыбнулся. Это было обидно. Хотя, наверное, если бы он улыбнулся, она бы умерла быстрее.

— Т9, — выдохнула Лика. — Это всё Т9.

— Автозамена? — уточнил он.

— Да. Она меня ненавидит.

— Технологии не способны на ненависть.

— Вы просто не знакомы с моим телефоном.

Марк чуть наклонил голову. Из-за чёрных очков было невозможно понять, смотрит он ей в глаза или просчитывает траекторию её бегства.

— Присаживайтесь, Лика Владимировна.

Она шагнула к креслу для посетителей. Кресло было чёрное, кожаное и выглядело дороже всей её кухни вместе с батареей-философом. Лика старалась идти спокойно, но ковёр оказался слишком мягким. Каблуков не было, но это не спасло. Она зацепилась носком кеда за край ковра и почти полетела вперёд. Почти — потому что в последний момент схватилась за спинку кресла.

Кресло слегка сдвинулось.

В тишине это прозвучало как выстрел.

— Я проверяла устойчивость мебели, — объявила Лика, отплевываясь от волос, лезущих теперь в ее рот.

— И как результат?

— Мебель уверена в себе больше, чем я.

Марк снова не улыбнулся. Но пауза стала чуть другой. Не мягкой, нет. Этот человек, кажется, вообще не хранил мягкости в открытом доступе. Но что-то в воздухе едва заметно сдвинулось.

Лика села. Положила сумку на колени. Сжала ручки.

Марк открыл папку. На ней не было надписи, но Лика почему-то была уверена: если присмотреться, там окажется «Дело Соболевой. Постель. Предварительное расследование».

— Вы окончили филологический факультет? — спросил он.

— Не окончила. Бросила.

— Почему?

Лика напряглась. Вот оно. Началось. Сейчас надо было придумать что-то приличное. «Семейные обстоятельства». «Финансовые трудности». «Переоценка жизненного пути». Но врать она не умела. Когда врала, краснела, заикалась и выглядела как человек, который украл торт и забыл вытереть крем со лба.

— Из-за депрессии, — сказала она тихо. — После расставания.

Марк замер всего на долю секунды. Другой бы не заметил.

Лика заметила, потому что в кабинете и так всё было слишком неподвижно.

— Понятно, — погрузился он.

Не стал спрашивать подробности. Не сказал «бывает» или «надо быть сильнее». Ничего из того, что обычно говорят люди, когда хотят побыстрее закрыть чужую боль аккуратной крышкой. И это неожиданно помогло Лике выдохнуть.

— Опыт работы у вас разнообразный, — продолжил Марк.

— Это вежливое слово для «хаотичный»?

— Это слово для «не задерживались». Летали.

Лика кивнула.

— У меня есть проблемы с техникой, координацией и некоторыми начальниками.

— С начальниками?

— Они часто не понимают мой творческий подход к ошибкам.

— Ошибки — это угроза.

— Для кого?

— Для всех.

Он сказал это так серьёзно, что Лика невольно выпрямилась. В его мире, видимо, чашка, поставленная не на то место, могла привести к международному кризису. Хотя, если честно, в её мире тоже иногда приводила.

Марк отложил папку и сложил руки на столе. Его пальцы были длинные, спокойные, уверенные. У Лики такие ру-

ки вызывали двойственное чувство. С одной стороны, красивые. С другой — слишком сильные. После Артёма она не любила, когда мужские руки были слишком близко. Даже если они просто, лежали. И принадлежали человеку в чёрных очках, который пока только задавал странные вопросы.

— Вы когда-нибудь стреляли? — спросил Марк.

Лица моргнула.

— Из чего?

— Из оружия.

— Нет.

— Даже в тире?

— В детстве стреляла шариками по жестяным банкам на ярмарке. Попала в продавца сахарной ваты. Случайно.

— Понятно.

Он что-то записал.

Лица вытянула шею, но не увидела, что. Очень хотелось, чтобы не «опасна с шариками».

— Как вы относитесь к слежке? — спросил он.

— Плохо.

— Почему?

— Потому что это слежка.

— Аргумент эмоциональный.

— Зато честный.

— А если слежка обеспечивает безопасность?

Лица хотела ответить резко, но удержалась. Слово «безопасность» зацепило. Оно всегда цепляло. Потому что она

слишком долго жила без него. Без слова этого.

— Тогда всё равно страшно, — ответила она, с достоинством. — Когда за тобой следят, ты не всегда знаешь, тебя защищают или держат на поводке.

Марк не двигался. Только тишина в кабинете стала плотнее.

— Интересный ответ, — хмыкнул он наконец.

— Это значит неправильный?

— Это значит интересный.

Он снова сделал пометку. Лике захотелось забрать у него ручку и написать самой: «Кандидат нервная, но честная. Не стрелять. Пока».

— Как вы относитесь к чёрному цвету?

Лика посмотрела на его костюм, плащ, очки, стол, кресла и, кажется, даже в душу кабинета.

— Честно?

— Желательно.

— Он практичный. Но в таких количествах немного давит. Как будто интерьер готовится к похоронам. Всего света.

Марк молчал.

Лика прикрыла глаза.

— Простите.

— Не за что. Продолжайте.

— Я люблю розовый, — призналась она, чувствуя, что сейчас окончательно проиграет собеседование. — Не ядовитый. Нормальный. Пыльно-розовый. Ещё голубой. И жёл-

тый, если он не слишком радостный, с утра.

— Жёлтый может быть слишком радостным? С утра?

— Некоторые оттенки, орут.

Марк чуть повернул голову к окну. Серое небо за стеклом выглядело так, будто жёлтый цвет ему тоже не нравился. С утра, особенно.

— Зачем вы пришли? — резко спросил он.

Ли́ка ожидала ещё один вопрос про оружие или диверсии, поэтому не сразу поняла.

— На собеседование?

— После вашего сообщения. Моего ответа. Вы могли не прийти.

Она посмотрела на сумку на коленях. На пальцы, сцепленные так крепко, что побелели костяшки. Можно было сказать: «Меня заинтересовала вакансия». Или: «Я ответственный кандидат». Даже пошутить про фантазию. Но вдруг устала. Слишком много вчера было стыда, страха, маминого голоса и пустого кошелька.

— Мне нужна работа, — жалобно призналась Ли́ка. — Очень. Маме нужна операция. Я не могу выбирать долго и красиво. У меня нет такой возможности. А ещё я... — она запнулась и попыталась улыбнуться, — решила, что если меня уже опозорил телефон, надо хотя бы извлечь из этого пользу. Финансовую.

Марк смотрел на неё сквозь чёрные очки. Ли́ка ненавидела эти очки. С открытыми глазами человека было проще

понять, как сильно он тебя осуждает. Хотя, может, именно поэтому он их и носил. Чтобы никто не видел, что он чувствует внутри.

— Вы боитесь мужчин, — предположил он вдруг.

Не спросил. Догадался.

Лица застыла. Сразу. Вся.

Тепло отхлынуло от лица. Пальцы сильнее сжали сумку. В груди возникло знакомое чувство, будто кто-то открыл старую дверь и оттуда пахнуло сыростью прошлого. Подвалом, например.

— Это не имеет отношения к вакансии, — твердо произнесла она.

— Имеет. Вы будете работать в охранном агентстве. Здесь много мужчин.

— Я умею работать рядом с людьми.

— Я сказал не «рядом с людьми». Я сказал «с мужчинами».

Она подняла подбородок. Не очень уверенно, но подняла. Гордо.

— Я не боюсь мужчин. Я боюсь некоторых мужчин. Очень разные вещи.

Марк молчал несколько секунд. Потом едва заметно кивнул.

— Верно.

И снова что-то записал.

Лица уже была готова встать и уйти. Да, ей нужны были

деньги. Да, мама. Да, операция. Но сидеть под этим холодным взглядом, который видел слишком много, было почти невыносимо. Она не хотела, чтобы незнакомый мужчина с чёрными очками угадывал про её. Это было неприлично. Хуже, чем вчерашняя постель. В смысле, глупого сообщения. Она не собиралась анализировать его постели. Ни вчерашние, ни сегодняшние!

Марк закрыл папку.

Лика приготовилась услышать: «Мы вам перезвоним». Это была самая популярная фраза работодателей. Означавшая: «Скорее всего, нет. Но не надо тут рыдать и держаться за угол стола! Уходите без сцен».

Он торжественно произнес:

— Вы приняты.

Лика моргнула.

— Что?

— Вы приняты, Лика Владимировна.

— Простите, у меня, возможно, стрессовая галлюцинация. Вы сказали «приняты»?

— Да.

— На работу?

— Нет, в тайное общество любителей жёлтого цвета. Конечно, на работу.

Она уставилась на него. Вот теперь он точно шутил. Или нет. Господи! А что если есть такое общество? И об этом нужно было знать?!

С Марком Андреевичем Белозёровым невозможно было определить. Его голос был одинаковым для сарказма, угроз и кадровых решений.

— Но я не умею стрелять!

— На административной должности это не потребуется. Наверное. Первое время.

— Я не люблю слежку.

— Большинство объектов её не любит.

— Я написала вам про постель.

— Именно поэтому я и пригласил вас. Мне понравилось.

Лица открыла рот. Закрыла. Снова открыла.

— Это плохая причина для приёма на работу.

— Это нестандартная причина. Плохой она станет, если вы окажетесь внедрённым агентом, мошенницей или человеком с неконтролируемым доступом к конфиденциальной информации.

— Я человек с неконтролируемым доступом к Т9.

— Однако! Да это хуже!

Сказал он это совершенно серьёзно.

Лица почти рассмеялась. Почти — потому что страх ещё сидел в горле, но уже немного потеснился. Марк Андреевич был странным. Холодным. Пугающим. Возможно, немного безумным. Но он не унижал её. Не смеялся. Не делал мерзких намёков. Он просто принимал её на работу так, будто проводил спецоперацию. На Луне.

— Что я должна делать? — спросила она осторожно.

— Работать с документами. Входящая корреспонденция. Архив. Часть расписания. Контроль поручений. Работа с закрытыми папками только после допуска.

— Допуска?

— Проверки.

— Проверки чего?

— Всего.

— У меня нет ничего интересного.

— Я выясню.

Лица нервно сглотнула. Станным образом после этой фразы хотелось не убежать, а спросить, входит ли в проверку содержимое холодильника. Там было слишком много правды. И тайных пороков.

Марк встал.

Она не ожидала, что он такой высокий. Когда он поднялся из кресла, кабинет будто стал меньше. Плащ мягко расправился по плечам, чёрная ткань почти не шелохнулась. Он подошёл к окну и встал спиной к городу. Как человек, который ежедневно решал, кому можно жить спокойно, а кому пора нервничать. И даже—бежать.

— Работать будете здесь, — распорядился он.

— В здании?

— В моём кабинете.

Лица замерла.

— Простите?

— Ваш стол поставят у стены. Временно. Под моим лич-

НЫМ КОНТРОЛЕМ.

— Зачем?

— Чтобы я мог следить за каждым вашим шагом.

Он произнёс это спокойно, почти буднично. Лика даже не сразу поняла, что нормальные люди так не говорят на собеседовании. Нормальные люди говорят: «У нас дружный коллектив». «Есть чай и печенье». «Зарплата два раза в месяц». А не: «Я буду следить за каждым вашим шагом», стоя в чёрном плаще на фоне серого неба.

— А это законно? — пискнула она.

— В рамках трудового договора — да.

— А в рамках здравого смысла?

— Здравый смысл часто мешает безопасности.

Лика посмотрела на него. На очки и плащ. На карты, схемы, идеальный стол. На лампу, которая освещала его. Так, будто он был не работодателем, а подозреваемым в красивом нуаре. Только не хватало проливного дождя. Прямо с потолка кабинета.

— Марк Андреевич, — задала она вопрос, — вы понимаете, что говорите как человек, который кормит акулу в подвале? Останками подозреваемых.

— У нас нет подвала. Вы что, знаете слово, останки?

Пауза.

— Акул тоже нет.

— Спасибо. Это очень обнадеживает.

— Пожалуйста. Но это пока.

Ли́ка не выдержала и фыркнула. Совсем тихо. Почти незаметно. Но он услышал. Она поняла это по тому, как он чуть повернул голову. Вдруг ей стало до ужаса интересно, какого цвета у него глаза. Не потому что это было важно. Просто человек, который носил чёрные очки в собственном кабинете, точно что-то прятал. Или от мира. Или от себя.

— Завтра к девяти, — сообщил Марк. — Зинаида Петровна оформит документы. Испытательный срок один месяц. Опоздания не люблю. Хаос тоже. Вранье не терплю.

— А розовое?

— Переживу.

— Да это прогресс.

Она сказала и тут же испугалась собственной наглости. Но Марк опять не рассердился. Он просто смотрел на неё из-за очков. Ли́ке показалось, что где-то глубоко под его чёрной бронёй шевельнулась тень улыбки. Или ей очень хотелось в это верить.

— Свободны, Ли́ка Владимировна, — завершил встречу он.

Она встала слишком быстро, сумка соскользнула с колен. Паспорт выпал на ковёр, резюме разлетелось веером. Ли́ка присела собрать бумаги, стукнулась плечом о край стола. Прошипела, снова выпрямилась и увидела, что Марк уже поднял паспорт. Он протянул ей документ двумя пальцами, аккуратно, без попытки заглянуть внутрь. И прикоснуться к ней. Якобы, случайно.

Это было странно. Многие мужчины пользовались моментом. Задевали ладонь, задерживали пальцы, наклонялись слишком близко. Марк не сделал ничего такого. Между ними остался воздух. Ровно столько, сколько нужно, чтобы Лика не отпрянула.

— Спасибо, — тихо поблагодарила она.

— Завтра к девяти, — повторил он.

— Да. Конечно. Я приду. Наверное. То есть приду. Я же принята. Значит, приду.

— Лика Владимировна.

— Да?

— Телефон по дороге никому не отдавайте.

Она напряглась.

— Почему?

— Он опасен.

И вот теперь она точно увидела. Не улыбку. Нет. Но её тень. На одну секунду уголок его губ едва заметно дрогнул.

Лика вышла из кабинета в странном состоянии. Она вроде бы получила работу. Это была хорошая новость. Отличная. Почти чудесная. Но работа находилась в кабинете мужчины, который носил чёрные очки в помещении, задавал вопросы про стрельбу и слежку. К тому же принимал людей после неприличных автозамен и официально собирался следить за каждым её шагом.

У двери стояла Зинаида Петровна. Точно не уходила. Знала, сколько длится любая судьбоносная катастрофа в каби-

нете Марка Андреевича.

— Ну что, милочка? — заботливо спросила она.

— Меня приняли, — ответила Лика. Голос прозвучал так, будто её завербовали.

Зинаида Петровна кивнула с видом человека, который ни секунды не сомневался.

— Я так и думала.

— Почему?

Секретарша наклонилась ближе и понизила голос:

— Вы ему понравились. Сразу.

Лика поперхнулась воздухом.

— Что? Нет. Нет-нет. Вы ошиблись. Он смотрел на меня как на подозрительный чемодан в аэропорту.

— Марк Андреевич на всех так смотрит. На вас он смотрел иначе. Немного.

— Он был в очках.

— Милочка, я с ним десять лет работаю. Я уже по наклону плаща понимаю, кого он мысленно уволил, а кого не хочет отпускать.

У Лики по спине пробежал холодок.

— Не хочет отпускать?

— В хорошем смысле, — успокоила Зинаида Петровна и тут же добавила: — Наверное.

Лика не знала, что на это ответить. Она оглянулась на чёрную дверь. За ней остался Марк. Человек в плаще. Очках. Человек, который сказал «вы приняты», будто подписал при-

каз о наблюдении за редким природным явлением.

Зинаида Петровна снова наклонилась к ней.

— Он так смотрел только на одну женщину.

Лица замерла.

— На кого?

— На свою маму, — прошептала секретарша. — А маму он похоронил пять лет назад.

Повисла пауза. Длинная. Неловкая. Очень информативная. Лица открыла рот, закрыла, потом снова открыла.

— Я не понимаю, это хорошая новость? Или мне нужно сменить город? Или сразу—страну?

Зинаида Петровна мягко похлопала её по руке.

— Пока просто приходите завтра к девяти. И лучше не опаздывайте. Марк Андреевич не любит опозданий.

— А что он любит?

Секретарша задумалась.

— Контроль, чёрный кофе, тишину и чтобы никто, под его ответственность, не умирал.

Лица почему-то вспомнила мамин голос, пустой кошелёк и свою вчерашнюю фразу: «Умру, но с достоинством». Теперь звучало не как шутка, а как плохой план.

Она вышла из здания через стеклянные двери и остановилась на улице. Серое небо нависало над городом. Ветер трепал выбившуюся из пучка прядь. Люди спешили мимо, живые, деловые, уверенные. Лица стояла с временным пропуском в кармане и понимала, что её жизнь только что свернула

куда-то. Не туда.

Самое страшное было в том, что ей почему-то хотелось прийти завтра.

Ужасно хотелось.

Глава 3

ГЛАВА 3. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ НА ПЕРЕДОВОЙ

В первый рабочий день Лика пришла на пятнадцать минут раньше, потому что боялась опоздать. А так же, потерять работу, зарплату, шанс на мамину операцию и последние остатки достоинства. В итоге она стояла перед зданием «Белозёров и партнёры» в восемь сорок пять, мёрзла на ветру и пыталась убедить себя, что всё нормально. Просто работа, офис, начальник. Который носил чёрные очки в помещении, задавал вопросы про слежку и принял её на должность после фразы: «Хочу работать с вами в постели».

Нормальная взрослая жизнь. С лёгким привкусом уголовного дела.

Сегодня здание выглядело ещё выше, чем вчера. Стекло отражало серое небо, прохожих, машины и саму Лику. Маленькую светловолосую фигурку в голубом свитере, тёмной юбке и кедах. Юбка была деловой, кеды — жизненно необходимыми. После вчерашнего знакомства с мраморным полом она решила, что каблуки в охранном агентстве будут не обувью, а оружием массового уничтожения.

Телефон лежал в сумке, выключенный. Не просто на беззвучном. А полностью. Лика сделала это утром торжественно, как обезвреживание предмета, похожего на бомбу.

— Ты не работаешь, — предупредила она его перед выходом. — Сегодня работаю я.

Телефон погас без возражений, но Лика ему не поверила. У Т9 был вид существа, которое могло испортить жизнь даже из комы. Из своей и окружающих.

В холле её снова встретил тот же охранник. Большой. Молчаливый. И такой неподвижный, будто ночью его ставили на зарядку вместе с камерами. Сегодня он посмотрел на Лику чуть иначе. Вчера — как на подозрительный объект. Сегодня — как на подозрительный объект, прошедший первичную проверку. Но всё ещё способный взорваться от волнения.

— Доброе утро, — вежливо поздоровалась Лика.

Охранник кивнул.

Это был прогресс. Ещё пара месяцев, и, возможно, они дойдут до междометий.

Лика решила развить прогрессивное начало.

— Знаете, — очень толерантно объяснила сложившуюся ситуацию Лика — А ведь мы разобрались, с начальником, на счет постели. Там все не так однозначно.

Охранник почему-то стал цвета спелой вишни, и произнес утробное гортанное рычание.

Лика была благоразумной служащей и пошла дальше.

На ресепшен сидела Зинаида Петровна. В тёплой кофте, с очками на цепочке и деловым видом. Она знала, чем закончится этот день. Будьте уверены! Но не имела права вмеши-

ваться в судьбу из-за корпоративной этики.

— Доброе утро, милочка, — приветствовала она. — Пришли? Не испугались.

— Пока да, — честно ответила Лика.

— Хороший настрой. У нас многие в первый день приходят, а к обеду уходят. Духовно.

Лика сглотнула.

— Это шутка?

Зинаида Петровна улыбнулась.

— У нас тут всё немного шутка. Кроме Марка Андреевича. Он у нас серьёзный, даже во сне. Наверное. Никто не проверял или живым не вернулся.

Лика опять поняла, что с охранником она, пожалуй, поторопилась. С постелью. Все реально не так однозначно.

Хотела рассмеяться, но не успела. Нужно было решить, можно ли смеяться в здании, где даже лифты поднимались с выражением служебной тайны на скорбных дверцах. Зинаида Петровна выдала ей постоянный пропуск. Показала, где расписаться, и повела к дальше. По дороге Лика старалась идти аккуратно. Не задевать стены, не ронять сумку, не смотреть на камеры. В камеры, под камеры и ни за что на свете, за камеры. Черт бы их побрал. Но камеры смотрели на неё первыми. Они были везде. Маленькие чёрные полукруги под потолком, над дверями, в углах. Лика чувствовала себя не сотрудницей, а героиней шоу. Где зрителям в прямом эфире показывают, как блондинка пытается не упасть. А ведь она

пыталась, честно!

— Камер много, — заметила она.

— Марк Андреевич любит безопасность.

— А люди?

— Людей он тоже любит безопасных. В безопасности.

Лика решила, что это слишком глубокая фраза для первого утра, и промолчала.

На последнем этаже было тихо. Так тихо, что собственное дыхание казалось нарушением режима. Зинаида Петровна довела её до двери напротив кабинета Марка. Вчера Лика эту дверь не заметила. Сегодня на ней висела аккуратная табличка: «Л. В. Соболева. Административный помощник».

Лика остановилась.

Табличка была настоящая. Металлическая. С её именем.

Странное чувство сжало горло. У неё давно не было ничего «её». Квартира съёмная. Мебель чужая. Работа временная. Уверенность в себе давно просрочена. А тут вдруг дверь, табличка, должность и даже пропуск. Постоянный! Пусть в охранном агентстве странного человека в плаще, но всё равно.

— Это мой кабинет? — спросила она осторожно.

— Ваш, — подтвердила Зинаида Петровна. — Марк Андреевич распорядился подготовить вчера вечером. Очень срочно. Даже системного администратора поднял. Тот теперь заикается, но компьютер поставил.

Лика открыла дверь и застыла.

Кабинет был маленьким, но очень милым. Не роскошным, как у Марка. А светлым и почти уютным. Стол у окна. Новый компьютер. Удобное кресло. Полки. Канцелярия, разложенная в идеальном порядке. Всякие стильные ручки, стикеры, папки, скрепки, блокноты. На столе стоял букет золотисто-розовых роз. Нежных, тёплых, совсем не похожих на чёрный мир Марка Андреевича. Розы пахли летом, дорогим цветочным магазином и чем-то невозможным для Ликиной жизни.

Она подошла ближе и потрогала лепесток пальцем.

— Красивые, — выдохнула она.

— Марк Андреевич велел поставить, — подтвердила Зинаида Петровна. — Сказал: «Для адаптации объекта».

Лика медленно повернулась.

— Объекта?

— Ну, я думаю, он имел в виду сотрудника.

— А сказал «объекта».

— Он иногда забывает, что люди — не папки.

Это объясняло многое. Возможно, не всё, но многое.

Лика села за стол. Кресло не скрипнуло. Это было почти подозрительно. Она провела ладонью по поверхности, открыла первый ящик и обнаружила там аккуратно сложенные канцелярские принадлежности. Второй ящик тоже был нормальным. В нём лежали папки, файлы и блокнот с чёрной обложкой. Лика уже почти расслабилась, когда открыла третий.

В третьем ящике лежали бинокль, рация и книга «Как выжить шпиону. Практическое пособие для начинающих». Лика медленно закрыла ящик. Потом открыла снова.

Предметы не исчезли.

— Зинаида Петровна, — сказала она очень спокойно, потому что паника ещё выбирала, в какую сторону бежать. — У меня в столе бинокль.

— Это хорошо, милочка. Значит, ближнего наблюдения не предполагается.

— А рация?

— Для связи.

— С кем?

— В идеале — с теми, кто ответит.

Лика взяла книгу двумя пальцами, какдохлуюмышь, и прочитала название ещё раз.

— Это шутка?

Зинаида Петровна поправила очки.

— У нас шутками занимается Кирилл. Но если предметы разложены симметрично, значит, это Марк Андреевич.

В этот момент дверь напротив открылась.

Марк появился так тихо, будто материализовался из корпоративной тревожности. Чёрный костюм, чёрная рубашка, чёрные очки, волосы идеально уложены. Лицо спокойное, как сейф. Плаща сегодня на нём не было. Лика даже успела порадоваться. И тут же увидела, что плащ висит у него на руке. Значит, человек просто сделал паузу в образе.

Он вошёл в кабинет Лики без стука.

Лика вздрогнула.

— Доброе утро, Анжелика Владимировна.

— Доброе, — согласилась она. — А стучать у вас не принято?

— В экстренных ситуациях нет.

— У нас экстренная ситуация?

— Первый рабочий день всегда экстренная ситуация.

Зинаида Петровна деликатно исчезла. Причём так быстро, что Лика заподозрила у неё секретную подготовку. По вопросам бегства и эвакуации. Марк сел напротив, достал из внутреннего кармана маленький чёрный блокнот и ручку. Ручка щёлкнула в тишине как предохранитель.

Лика посмотрела на него. Потом на блокнот. Снова на него.

— Что вы делаете?

— Наблюдаю.

— За чем?

— За вашей реакцией.

— На что?

— На наблюдение.

Лика моргнула.

— Это замкнутый круг.

— Базовая модель поведения под давлением. Стыдно не знать, взрослая дама.

— Я думала, у меня должность административного по-

мощника, а не лабораторной мыши.

— Не исключайте карьерный рост. Не стоит.

Он сказал это абсолютно доброжелательно. С таким лицом, что Лика не поняла, была ли это шутка, угроза или кадровый план на квартал.

Она кивнула на ящик.

— Это вы положили бинокль?

— Да.

— Зачем?

— Чтобы вы привыкали к инструментам наблюдения.

— Я работаю с документами.

— Документы часто наблюдают за нами внимательнее людей.

— Это уже философия или симптом?

Марк что-то записал в блокнот.

Лика вытянула шею.

— Вы записали «хамит начальству»? — с ужасом спросила она.

— Я записал: «Сохраняет способность к юмору при стрессовом раздражителе».

Она замолчала. Потому что это был... почти комплимент. Очень странный. Завёрнутый в медицинскую салфетку. Но всё-таки комплимент.

— А розы? — решила она, сменить тему.

— Не я.

— Зинаида Петровна сказала, вы.

— Я распорядился. Покупал не я.

— Но цвет выбирали вы?

Марк посмотрел на букет. Чёрные очки скрывали глаза, но Лике показалось, что он смотрит на розы так же, как на неизвестное устройство. Красиво, но потенциально опасно.

— Мне сообщили, что этот оттенок называется золоти-сто-розовый. Он не агрессивен.

— Цветы редко агрессивны.

— У вас мало опыта с похоронными венками.

Лика раскрыла рот, потом закрыла. В кабинете на секунду стало тихо. Стало слышно, как компьютер вежливо гудит новой жизнью.

— Действительно, не много. Спасибо за цветы, — растеряно ответила она наконец.

— Для адаптации.

— Я поняла. Я объект. Меня адаптируют к среде.

— Вы сотрудница.

— Сотрудница с биноклем.

— Не все получают бинокль в первый день.

— Я должна почувствовать себя особенной?

— Желательно — внимательной.

Он встал.

Лика почему-то тоже едва не встала. Точно перед ней не начальник, а школьный директор. Марк подошёл к двери, остановился и повернулся.

— Дверь оставьте открытой.

— Почему?

— Так безопаснее.

— Для кого?

— Для всех.

И вышел.

Ли́ка осталась за новым столом, среди роз, рации, бинокля и книги для начинающих шпионов. Было твердое ощущение, что её приняли не на работу, а в закрытый кружок тревожных людей. Ну что ж. Это тоже было по адресу.

Первый час прошёл относительно спокойно. Зинаида Петровна принесла пачку договоров и объяснила, как их сортировать. Показала электронную базу. Принесла чай. Настоящий, с лимоном и двумя печеньями на блюде.

— Ешьте, милочка, — промурлыкала она. — У вас лицо голодное.

— Оно всегда такое.

— Нет. Иногда ещё испуганное.

Ли́ка взяла печенье и чуть не расплакалась. Глупо. Печенье не решало проблем. Не оплачивало операцию, не отменяло страх, не превращало Марка Андреевича в нормально-го начальника. Но оно было очень тёплым человеческим жестом. В здании, где даже стены, имели допуск к секретным данным.

— А он всегда такой? — спросила Ли́ка, кивнув в сторону открытой двери Марка.

— Какой?

— Ну... — Лика искала слово помягче и не нашла. — Чёрный.

Зинаида Петровна вздохнула.

— После обеда обычно ещё, чернее. Кофе заканчивается.

— Я имела в виду... контролирующий.

— Он боится не проконтролировать.

— Это диагноз?

— Это биография, милочка.

Больше Зинаида Петровна ничего не сказала. Только поставила чай ближе, поправила розы и ушла. Лика смотрела ей вслед и думала, что эта женщина знает о Марке больше, чем все камеры в здании. Вот только говорит дозированно, как врач — выдающий сильное лекарство.

К одиннадцати Лика уже разобрала первую пачку договоров. Трижды перепроверила фамилии, дважды чуть не отправила файл не туда, но вовремя остановилась. И даже почувствовала небольшую гордость. Компьютер быстрый. Клавиатура удобная. Автозамены не было. Почти счастье.

Потом она заметила первый жучок.

Он был приклеен под краем стола. Маленький, чёрный, аккуратный. Лика сначала подумала, что это какая-то деталь мебели. Потом наклонилась ниже. Затем ещё ниже. И стукнувшись лбом о столешницу, тихо выругалась.

Марк появился в дверях сразу.

— Что случилось?

Лика поднялась, держась за лоб.

— У меня стол разговаривает?

— Нет.

— Тогда почему под ним жучок?

— Не жучок. Микрофон.

— Простите, конечно, но это не улучшает ситуацию.

Марк вошёл, присел перед столом, проверил устройство и так же спокойно встал.

— Работает.

— Это прекрасно. Я очень рада за его карьеру. А моя личная жизнь? Под столом?

— В рабочее время ваша личная жизнь не должна находиться под столом.

Лица уставилась на него.

— Да половина меня постоянно под столом! Нижняя половина! Вы понимаете, как это звучит после моего сопроводительного письма?

Пауза.

Марк медленно снял ручку с блокнота.

— Отмечу: ассоциативное мышление активное.

— Отмечайте ещё: сотрудница в лёгкой панике. Которая медленно переходит в тяжелую.

— Лёгкая паника продуктивнее тяжёлой.

— Марк Андреевич, вы поставили мне микрофон под стол! Я – женщина!

— Не только под стол. Быть женщиной не запрещается.

Лица замерла.

— Что значит «не только»?

Он промолчал. А вот стекла очков как-то нехорошо блеснули!

Лица медленно оглядела кабинет. Розы на столе. Компьютер. Полки. Картина с абстрактными линиями на стене. Настольная лампа. Книга «Как выжить шпиону». Бинобль. Рация. Ваза. Её взгляд вернулся к розам.

— В цветах тоже?

— Один.

— Один?!

— В целях контроля качества воздуха.

— Вы хотите сказать, розы меня прослушивают ради экологии?

— Я хочу сказать, что вы слишком громко думаете.

Она открыла рот. Закрыла. Потом снова открыла.

— Я увольняюсь.

— Нет.

— Что значит «нет»?

— Контракт подписан.

— Там не было пункта «сотрудница соглашается быть комнатным растением под наблюдением».

— Был пункт о внутреннем регламенте безопасности.

— Я его не читала.

— Это тоже зафиксировано.

Лица почувствовала, что ещё немного — и она начнёт смеяться. Или кричать. Или то и другое сразу. Обычно, в

первый день такое производило неоднозначное впечатление.

— Я не могу работать, когда меня записывают, — пробормотала она уже тише. — Это неприятно. Особенно, с нижней части туловища.

Марк молчал несколько секунд. Впервые за утро его молчание не казалось механическим. Он выбирал слова, а не просто доставал их из сейфа.

— Записи защищены, — признался он. — Доступ только у меня.

— Это должно меня успокоить?

— Мне бы хотелось, что—да.

Вот это было странно. Не фраза даже. Интонация. Не начальственная.

Лица посмотрела на него внимательнее. Чёрные очки, каменное лицо, ровная осанка. А под всем этим — что-то напряжённое. Он не просто развлекался своим тотальным контролем. Ему правда было важно знать, что с ней всё в порядке. Вот только выбранный им способ был таков, что клетка для хомяка казалась пространством свободы.

— Марк Андреевич, — осторожно попыталась разъяснить Лица, — вы понимаете, что забота и слежка — не одно и то же?

Он застыл. Совсем чуть-чуть.

— А в моём опыте, второе часто эффективнее первого.

— А в моём, второе иногда называют по-другому.

Она не сказала «поводок». Не сказала «Артём». Но тень

этого имени будто прошла между ними. Марк не спросил. И за это Лика была ему благодарна.

Он медленно кивнул.

— Хорошо. Микрофон под столом отключат.

— А в розах?

— Оставим.

— Почему?!

— Розы ближе к окну. Там мёртвая зона.

— У меня в кабинете мёртвая зона?

— Больше не будет.

Он вышел, оставив Лику с ощущением, что она не победила. Но хотя бы отвоевала территорию под столом. Маленькая свобода. Ногами пользоваться можно без аудиозаписи.

К обеду она уже знала, что Марк ходит бесшумно, появляется внезапно и умеет смотреть через стеклянную стену. Даже компьютер начинал работать аккуратнее, при его приближении. Двери их кабинетов оставались открытыми. Лика видела его почти постоянно. То за столом. То у окна. Рядом с картой города. Иногда он разговаривал по телефону короткими фразами: «Проверьте». «Нет». «До конца дня». «Уберите хвост». Последняя фраза заставила Лику потрогать свои волосы. Проверить, не о ней ли речь.

В двенадцать тридцать она решила пойти в столовую. Не потому, что была голодна. Хотя была. Ей нужно было выйти из кабинета. Розы доносили о её настроении.

Она взяла пропуск, вышла в коридор. Почти сразу услы-

шала за спиной шаги.

Марк.

Она повернулась. Он остановился.

— Вы куда?

— В столовую.

— Зачем?

— Обычно там едят.

— Вы могли попросить Зинаиду Петровну принести еду.

— Я и сама могу пройти двадцать метров.

— Семнадцать.

— Вы измеряли?

— Да.

Ли́ка посмотрела на него, потом на коридор.

— Вы идёте со мной?

— У меня тоже обед.

— Случайно?

— Планово.

Они пошли вместе. Точнее, Ли́ка шла впереди, а Марк рядом и чуть позади. Как персональный мрачный ангел-хранитель, назначенный без согласования. В столовой сотрудницы тут же притихли. Не сильно. Достаточно, чтобы Ли́ка поняла, что появление Марка Андреевича среди простых смертных было событием. Возможно, как солнечное затмение. Красиво, страшно и лучше не смотреть напрямую.

Ли́ка взяла гречку, котлету и чай. Марк взял чёрный кофе.

— Это весь ваш обед? — не удержалась она.

— Да.

— Вы питаетесь как человек, который давно продал душу кофеину.

— Душа не входит в рацион.

— Понятно.

Она села за стол у окна. Марк сел за соседний. Достаточно близко, чтобы видеть её тарелку. Достаточно далеко, чтобы делать вид, что это совпадение.

Ли́ка попыталась есть спокойно. Не получалось. Когда за соседним столом сидит начальник в чёрных очках и пьёт кофе, все меняется. Даже котлета теряет вкусовые качества и начинает выглядеть как улика.

Через две минуты в столовую вошёл мужчина лет двадцати восьми. Шатен, карие глаза, ямочки на щеках. Лёгкая улыбка человека, который в любой ситуации сначала найдёт повод для шутки, а потом уже пожарный выход. Он увидел Марка, Ли́ку, просиял и направился к ним.

— О, — сказал он. — Значит, легендарная сотрудница уже приступила к операции «Постельный режим».

Ли́ка подавилась чаем. Марк медленно повернул голову.

— Кирилл.

— Всё, молчу, — отмахнулся Кирилл, но не замолчал. — Я просто хотел познакомиться. Кирилл, заместитель этого чёрного облака. Не бойтесь, он только выглядит как человек, который пишет завещания за других. Внутри он почти плюшевый.

— Выйди, — прошипел Марк.

— Понял. Атмосфера интимного наблюдения. Не мешаю.

Кирилл подмигнул Лике и мгновенно исчез. Правда, уже из дверей донеслось тихое хихиканье. Марк сделал вид, что не слышит. Лика сделала вид, что не хочет провалиться под стол. Стол, возможно, тоже был с микрофоном, поэтому проваливаться туда не стоило.

— Он всегда такой? — сквозь зубы спросила она.

— Нет.

— Бывает хуже?

— Случается разное.

Лика впервые за день почти расслабилась. Кирилл выглядел человеком из нормального мира. Где смеются, подмигивают и не ставят жучки в розы. Хотя кто знает. В этой компании нельзя было доверять даже канцелярским скрепкам.

После обеда началась вторая серия наблюдения. Лика пошла в архив — Марк появился у стеллажей. Лика пошла к принтеру, Марк оказался у окна неподалёку. Лика вышла к кулеру, Марк уже наливал себе воду. Хотя его рацион состоял только из кофе и контроля. Когда Лика направилась в сторону туалета, он тоже сделал шаг.

Она остановилась и подняла ладонь.

— Нет.

Марк замер.

— Что «нет»?

— Туда вы не идёте.

— Я не собирался.

— Вы сделали шаг.

— Коридор общий.

— Сейчас он станет очень личным.

Несколько сотрудников, проходивших мимо, внезапно заинтересовались стенами. Марк посмотрел на Лику. Чёрные очки скрывали глаза, но пауза была красноречивая.

— Пять минут, — жестко приказал он.

— Что?

— Если вас не будет дольше пяти минут, я отправлю Зинаиду Петровну.

— Марк Андреевич, это туалет, а не вражеская территория.

— Иногда разница минимальна.

Лику решила не уточнять, какие именно события в его жизни привели к этой философии. Она просто вошла в женскую комнату, закрыла дверь и впервые за день осталась без наблюдения. Наверное. Хотя на всякий случай проверила потолок, зеркало и держатель для бумажных полотенец. Своё отражение в зеркале она оценила критически. Глаза большие, волосы выбились из пучка, на щеке след от шариковой ручки. Потому что она подпирала лицо, пока работала. Вид у неё был точно первый день действительно проходил на передовой. Только вместо каски ей выдали стикеры.

— Ты справляешься, — подбодрила она себя. — Плохо, под наблюдением, но справляешься.

Когда она вышла, Марка в коридоре не было. Лика даже обрадовалась. На три секунды. Потом увидела его отражение в стеклянной стене переговорной. Он стоял у окна и разговаривал по телефону. Голову повернул ровно в тот момент, когда она появилась.

Он не отводил взгляд. Даже через чёрные очки это чувствовалось. Не мужской взгляд, от которого хочется спрятаться, потому что он раздевает или оценивает. Нет. Марк смотрел так, будто считал её пульс, маршрут и вероятность внезапного исчезновения. И всё равно Лике стало не по себе. Потому что внимание, даже не пошное, всё равно оставалось вниманием. А она давно от него отвыкла. И не собиралась привыкать. Пока.

К трём часам она окончательно устала. Не от документов. Документы были даже приятными. Они хотя бы не носили очки и не появлялись за спиной. Устала она от ощущения, что находится в центре невидимой сетки. Каждый шаг отмечен, движение замечено, реакция записана в блокнот. Где, возможно, уже было: «Объект ест гречку медленно. На Кирилла реагирует кашлем. К туалету относится агрессивно».

Она встала, взяла заявление на увольнение из интернета, открыла документ и начала печатать.

«Прошу уволить меня по собственному желанию...»

Компьютер ничего не исправил. И это было счастье.

— Нет, — сказал Марк из дверей.

Лика подпрыгнула.

— Вы вообще когда-нибудь издаёте звук заранее? Кашляете? Шуршите плащом? Кричите «я иду»?

— Зачем?

— Чтобы люди доживали до зарплаты.

Он вошёл и посмотрел на экран.

— Увольнение не согласовано.

— Оно по собственному желанию.

— Ваше собственное желание находится в стрессовой фазе.

— Моё собственное желание хочет домой, под плед и без микрофонов.

— Контракт подписан. Вы — моя сотрудница.

— Это звучит как захват заложника.

— И, кажется, моя проблема, — добавил он.

Лица замолчала. Не потому что фраза была мягкой. Она была совершенно марковской. Но почему-то в ней не было раздражения. Скорее признание факта. Как будто он действительно решил, что теперь Лица — его проблема. А проблемы Марк Андреевич Белозёров не бросал. Он их окружал камерами, заносил в папку и пытался обезвредить.

Из коридора донеслось приглушённое хихиканье. Кирилл стоял в дверях, прислонившись к косяку. Улыбался широко.

— Простите, я просто шёл мимо и услышал романтическое: «Вы моя, сотрудница». Марк, тебе осталось сказать: «И я буду охранять тебя от всего мира, вечно».

— Кирилл, — вскинул подбородок Марк.

— Уже ухожу. Анжелика Владимировна, если он начнёт дарить вам тревожную кнопку вместо цветов, это у него почти признание в симпатии.

— Выйди.

— Выхожу. Но наблюдаю за наблюдателем.

Кирилл исчез. Марк медленно повернулся к Лике.

— Не слушайте его.

— А тревожная кнопка будет?

— Уже заказал.

Лика закрыла глаза.

— Конечно.

— Маленькая. Удобная. Розовая.

Она открыла глаза.

— Розовая?

— Цвет не агрессивен.

Лика не знала, что делать с этим человеком. Бояться его было логично. Смеяться над ним было опасно. Благодарить — преждевременно. Но что-то внутри предательски теплело от того, что он запомнил розовый. Даже, если запомнил в целях безопасности, адаптации объекта и минимизации стрессовых факторов.

Рабочий день закончился в шесть. К этому времени Лика разобрала документы, внесла данные в базу, три раза подписала не там, где надо. Но вовремя исправила, выпила два чая, съела одно печенье и нашла ещё два жучка. Один в настольной лампе, второй в книге «Как выжить шпиону». Послед-

ний был особенно наглым. Он будто говорил: «Совет первый — вы уже не выживете». Лика жестко захлопнула книгу и очень несправедливо хлопнула ею по столешнице. Как пощечину дала. Известно, кому.

Марк весь день был рядом. Не всегда физически, но как давление воздуха перед грозой. Если он уходил, в кабинете оставалось его присутствие. Если возвращался, Лика замечала это раньше, чем слышала шаги. В какой-то момент она поймала себя на том, что ждёт, когда он появится в дверях. Не потому, что хотела. Просто день уже выработал рефлекс. Пугало.

Перед уходом Зинаида Петровна принесла ей маленький контейнер.

— Пирожки, — с уважением сказала она. — С капустой. Домой возьмёте.

— Спасибо, — Лика растерялась. — Но я не могу...

— Можете. У нас тут так принято. Я кормлю тех, у кого глаза грустные. Марк Андреевич делает вид, что это не часть системы безопасности.

Лика улыбнулась. Первая настоящая улыбка за день.

— Спасибо вам.

— Завтра будет легче.

— Потому что я привыкну?

— Нет. Потому что вы уже будете знать, где жучки.

Это было утешение в стиле «не бойтесь, второй раз операция проходит быстрее», но Лика всё равно взяла контейнер.

На улице вечер был серым, влажным и шумным. Лика дошла до остановки, села в автобус и устроилась у окна. Ноги гудели. Голова тоже. В сумке лежали пирожки, пропуск, выключенный телефон и ощущение, что она случайно устроилась на работу в чужой шпионский сон.

Автобус тронулся. Лика смотрела на город за стеклом. Люди шли под зонтами, машины стояли в пробках, рекламные вывески мигали, вечер постепенно растворял центр в грязно-золотом свете. Она чувствовала усталость, но не привычную пустую. Не ту, что приходит после дня, в котором ты только выживал. Эта усталость была другой. В ней было движение. Страх. Раздражение. И странное, совершенно неуместное любопытство.

На третьей остановке она заметила чёрную машину.

Сначала просто краем глаза. Большой чёрный автомобиль шёл за автобусом в соседнем ряду. Стёкла тёмные. Номер она не разглядела. В обычный день Лика бы не обратила внимания. Но после кабинета с микрофонами и розами мозг уже работал в режиме «всё подозрительно, включая голубя».

На четвёртой остановке машина всё ещё была рядом.

На пятой тоже.

Лика села прямее.

Старый страх тут же проснулся, встряхнулся и встал во весь рост. Её когда-то уже сопровождали. Не так. Не на чёрной дорогой машине. Артём мог ждать у подъезда, стоять у магазина, появляться рядом с остановкой. Он называл это

«я переживаю». Потом «я контролирую, потому что ты без меня пропадёшь». Потом просто перестал объяснять.

Ли́ка сжала ручку сумки.

— Нет, — прошептала она себе. — Это не он. Это город. Тут много чёрных машин. У людей бывает плохой вкус.

Автобус повернул к её району. Чёрная машина повернула следом.

Ли́ка почувствовала, как холодеют ладони. Хотелось включить телефон, но она вспомнила про Т9. Решила, что в критической ситуации он способен отправить в полицию: «Меня преследует комета». Хотя, возможно, полиции уже всё равно.

Когда автобус остановился у её остановки, Ли́ка вышла вместе с пожилой женщиной и парнем в наушниках. Она старалась идти спокойно. Не оборачиваться резко. Не выглядеть испуганной. Испуганных замечают. Это она знала слишком хорошо.

Чёрная машина остановилась у её подъезда.

Ли́ка замерла возле лавочки.

Машина стояла. Двигатель работал тихо. Двери не открывались. Никто не выходил. Тёмное стекло со стороны водителя отражало двор, мокрые кусты, детскую площадку и саму Ли́ку. Маленькую, напряжённую, с контейнером пирожков в сумке. Готовую в любой момент бежать. Хотя бежать было некуда.

Мину́ту ничего не происходило. Потом машина тронулась

и медленно уехала за угол. Лика выдохнула так резко, что у неё закружилась голова.

— Просто совпадение, — бормотала она. — Просто богатые люди тоже живут в плохих районах. Очень богатые. И заблудившиеся.

Она поднялась к себе на третий этаж, закрыла дверь на два замка, потом на цепочку. Проверила ещё раз. В квартире было холодно и привычно. Обои цвета старого печенья, стол, ноутбук, батарея-философ. Всё на месте. Всё её. Или почти её.

Лика поставила пирожки на стол, включила телефон и подошла к окну.

Во дворе горел фонарь. Дождь опять начинался мелкой пылью. Кусты у дальнего края двора шевелились от ветра.

И там, в тени, стояла чёрная машина.

Та самая. Не уехала. Просто сменила позицию. Лика замерла у окна. Страх поднялся первым. Острый, знакомый, холодный. Но следом пришло другое чувство. Странное. Непрошеное. Почти смешное. Ей стало интересно. Кто сидел в машине? Марк? Его человек? Камера на колёсах? Забота с затемнёнными стёклами?

Она стояла в темноте кухни и смотрела вниз. Пока телефон в её руке не мигнул новым сообщением.

От неизвестного номера.

«Дошли до квартиры?»

Лика долго смотрела на экран. Потом перевела взгляд на

машину в кустах. Потом обратно на сообщение. И вдруг поняла, что первый день на передовой закончился.

А война, кажется, только начиналась.

Глава 4

Глава 4. СЛУЧАЙНЫЙ БРАК

К концу третьего рабочего дня Лики поняла, что в охранном агентстве «Белозёров и партнёры» слово «нормально» считалось ругательством.

Нормальные люди приходили на работу, пили кофе, раскладывали документы, обсуждали погоду и тихо ненавидели понедельник. У Лики рабочий день начинался с проверки, не появился ли новый микрофон в цветах, продолжался под взглядом начальника в чёрных очках и заканчивался сообщением от неизвестного номера: «Дошли ли до квартиры?» На следующий день сообщение повторилось. На третий тоже. Иногда менялась формулировка. «Вы дома?» «Закройте окно». «Не стойте долго у подъезда». Но смысл оставался прежним. Марк Андреевич Белозёров знал о ней больше, чем её собственный холодильник.

Холодильник, впрочем, тоже знал слишком много. Например, что в жизни Лики снова наступила эпоха гречки. Она пыталась злиться. Получалось. Иногда. Особенно когда замечала чёрную машину у остановки, аптеки, своего двора. Машина то исчезала, то появлялась снова. Как нечистая совесть, только с тонированными стёклами. Марк ничего не

объяснял. На вопросы отвечал коротко: «Так надо». Это была его любимая фраза. В ней помещались забота, паранойя, самоуправство и полный отказ от человеческого диалога.

Вечером в пятницу офис опустел раньше обычного. За окнами темнело, город расплывался в мокром стекле. Лифты увозили последних сотрудников вниз, к свободе, семьям, магазинам и нормальным ужинам. Лика сидела в своём кабинете напротив Марка, закрывала электронную базу. Хмуро думала о том, как бы добраться домой, не заметив очередную чёрную машину. Это была новая форма психологической гимнастики. Не видишь слезку, возможно, её нет. Прекрасный метод. Очень подходил для людей, которые в детстве закрывали глаза под одеялом и верили, что монстр тоже соблюдает правила.

Она уже потянулась за сумкой, когда на столе ожил внутренний телефон.

Лика вздрогнула.

Эта штука звонила редко. Обычно Зинаида Петровна писала в чат или заходила сама. С чаем, пирожками и выражением лица «я всё знаю, но пока помолчу». Внутренний телефон был тревожным предметом. Как красная кнопка. Или письмо из налоговой. Или то и другое одновременно.

— Соболева, — официально представилась Лика. Общаюсь как деловой человек, а не как хомяк в аквариуме.

— Ко мне, — приказал Марк.

И отключился. Лика посмотрела на трубку.

— Конечно, — обиженно сказала она пустому кабинету. — Зачем тратить слова на «пожалуйста», если можно сразу призвать. Как на казнь.

Она взяла сумку, потом передумала и оставила. Снова взяла. Если это увольнение, сумка пригодится. Если не увольнение, тоже. Там лежал телефон. А он, несмотря на все свои преступления, был единственным свидетелем её жизни.

Дверь кабинета Марка оставалась открыта. Но внутри было темнее, чем обычно. На последнем этаже уже погасли почти все светильники. Настольная лампа на его столе отбрасывала тёплый круг света на папку, лежавшую строго по центру. Всё остальное тонуло в полумраке. Чёрная кожаная мебель, стеллажи, карты на стенах, линии маршрутов, фотографии зданий. Даже серое отражение города в панорамном окне. Стены как будто сдвинулись ближе. Кабинет давил. Молчал. Ждал. В общем, вел себя отвратительно.

Марк сидел за столом. Без плаща. Но в чёрной рубашке, чёрном костюме и, разумеется, чёрных очках. Лика уже почти привыкла к этим очкам. Почти. Они стали частью образа. Как ощущение, что тебя проверяют на детекторе лжи даже тогда, когда ты просто дышишь. И ничего, слава тебе Господи, не делаешь. Даже в хорошем смысле.

— Закройте дверь, — сурово приказал руководитель, сдвинув пальцев черные очки на кончик носа.

Лика замерла.

— Зачем?

— Разговор конфиденциальный.

— У вас все разговоры одинаковы. «Доброе утро» звучит как государственная тайна.

— Анжелика Владимировна!

Она закрыла дверь. Щелчок замка прозвучал слишком громко. Окончательно и очень двусмысленно. Внутри тут же поднялась старая добрая паника. Дверь закрыта. Мужчина рядом. Поздний вечер. Никого нет. Кроме Марка. Руководитель не повышал голоса. Никогда не хватал её за руку. И не подходил близко без необходимости. Но тело не любило деталей. Оно реагировало на закрытую дверь и мужскую фигуру, в полутьме.

Марк поднял голову.

— Сядьте.

Лица не села.

— Сначала скажите, меня увольняют?

— Нет.

— Тогда почему так страшно?

— Потому что ситуация неприятная.

Ответ был честным. И ужасным.

Лица медленно опустилась в кресло. Сумку поставила на колени, как щит. В кабинете было очень тихо. Даже город за стеклом казался выключенным. Марк положил ладонь на папку. Пальцы у него были ровные, красивые и слишком уверенные. Он умел контролировать даже собственные руки.

Ли́ка в этот момент едва контролировала колено, которое хотело нервно дёргаться. И дергалось. Будьте спокойны!

— Что случилось? — хрипло простонала она.

Марк молчал несколько секунд. Потом вдруг снял очки. Взял двумя пальцами за дужку и снял.

Ли́ка перестала думать.

У него были ярко-голубые глаза. Не холодные, как она представляла. Не ледяные. Очень светлые. Почти невозможные на таком строгом лице. И усталые. Очень. В них было слишком много бессонных ночей, недоверия, потерь. Чего-то, что он прятал не от людей даже, а от самого себя. Без очков Марк не выглядел мягче. Он был опасным. Но теперь опасность стала ожила. Стала человеческой. Уязвимой там, куда он никого не пускал.

Ли́ка не сразу отвела взгляд. А когда отвела, было уже поздно. Она увидела. И теперь не могла развидеть.

— Вы сняли очки, — грустно сказала она и отвернулась.

— Я знаю.

— У вас глаза.

— Неожиданно, правда?

— Я не это имела в виду.

— Надеюсь.

Она почувствовала, что краснеет. В кабинете, где воздух был натянут как струна. Организм Ли́ки выбрал самый неподходящий момент, чтобы вспомнить о смущении. И она покраснела. С ног до головы. Вся. Уши и колени тоже.

Марк положил очки на стол. Ровно. Параллельно папке.

— За вами охотятся, — как бы невзначай обронил он.

И весь странный уют смущения умер. Лица сжала сумку.

И заледенела.

— Что?

— За вами охотятся.

— Кто?

— Я пока не знаю.

— Тогда откуда вы знаете, что охотятся именно за мной?

Марк открыл папку и развернул к ней несколько фотографий. Лица посмотрела. На первой был её подъезд. На второй — остановка. На третьей — вход в аптеку, куда она заходила за лекарствами для мамы. На четвёртой — она сама, снятая издалека. Светлые волосы, серая куртка, пакет в руке. Качество было плохое, но это точно была она.

Кожа на спине стала ледяной.

— Это вы снимали? — спросила она тихо.

— Нет.

— А кто?

— Тот, кто не хотел, чтобы я это нашёл.

Лица посмотрела на фото. Потом на Марка. Его глаза теперь казались ещё светлее в темноте.

— Может, это вы сами подстроили? — начала она язвительно, но голос предательски дрогнул. — Чтобы меня запугивать.

Марк не обиделся. Даже не изменился в лице.

— Хороший вопрос.

— Это не хороший вопрос. Отвратительный вопрос. Но я уже не знаю, что здесь нормально. А что — нет.

— Нормально — сомневаться.

— Тогда я очень нормальная. Я прямо во всем уже сомневаюсь.

Он положил рядом ещё один лист. Распечатка с маршрутом. Точки. Время. Её дом, офис, аптека, магазин, остановка.

— Ваши перемещения фиксировали не только мои люди, — разъяснял Марк. — У подъезда была чужая машина. Два раза. Один и тот же водитель. Сегодня утром охранник заметил мужчину возле входа в здание. Он наблюдал за вами. Не за офисом. За вами. Профессионально.

Лица сглотнула. В голове сразу всплыл Артём. Его сообщение. «Жива?» Короткое, липкое, как грязь. Она заблокировала его. Но блокировка не была бронёй. Просто кнопкой. Очень маленькой кнопкой против человека, который считал её своей вещью.

— Артём? — спросила она почти беззвучно.

Марк не переспросил. Значит, уже знал имя. Конечно, знал. Наверняка в папке «Дело Лики» был отдельный раздел: «Бывший. Высокий риск. Уничтожить при необходимости». Мысль должна была напугать. Вместо этого почему-то стало немного легче.

— Возможно, — неохотно ответил он. — Но пока доказательств нет. И возможно, не он лично. У него есть ресурсы. Связи. Люди, которые могут делать грязную работу.

Ли́ка закрыла глаза.

Внутри всё сжалось. Она сидела в дорогом кабинете, под лампой, напротив мужчины с ярко-голубыми глазами, а сама снова оказалась там. В старой квартире Артёма. В прихожей. В углу. Когда он стоял слишком близко и говорил страшные слова. Тихо: «Ты всё равно вернёшься. Такие, как ты, без меня не живут». Она тогда почти поверила. И три года доказывала себе обратное.

— Вы уверены? — спросила она. — Может, это совпадение.

— Совпадения бывают раз. Два — это схема. Три — уже угроза.

— У меня жизнь вся из схем и угроз.

— Именно поэтому я вызвал вас.

Марк достал из папки другие документы. С закладками. На верхнем листе были её имя и его фамилия.

Ли́ка наклонилась. И прочитала. «Брачный договор». Она долго смотрела на эти два слова.

Потом медленно подняла глаза.

— Простите, я, кажется, получила черепно-мозговую травму от ваших роз. Что это?

— Брачный договор.

— Вижу. Я спрашиваю, почему он лежит передо мной, а не на психиатрической экспертизе.

— Потому что вам нужна защита.

— А брак — это у нас теперь форма бронежилета?

— В вашем случае — да.

Лица засмеялась. Коротко, нервно, совсем не весело. Смех вырвался, потому что мозг отказался обрабатывать реальность без аварийного выхода.

— Марк Андреевич, вы сейчас предлагаете мне выйти за вас замуж?

— Да.

— Фиктивно?

— Формально — законно. Фактически — фиктивно.

— Это хуже, чем я думала.

— Это лучше, чем другие варианты.

— Какие другие варианты?

— Круглосуточная охрана без вашего согласия. Принудительное размещение в безопасном месте. Стирание личности и всех данных. Или ожидание. Когда тот, кто за вами наблюдает, сделает следующий шаг.

— Принудительное размещение? Вы себя слышите?

— Да.

— И вам нормально?

— Нет.

Это остановило её. Марк не смотрел в сторону. Не прятался за очками. Его усталые голубые глаза были направле-

ны прямо на неё, и в них не было удовольствия. Ни грамма. Он не наслаждался контролем сейчас. Не играл в шпиона. Выглядел как человек, который выбрал самый невозможный план из всех плохих. Исключительно потому, что остальные были ещё хуже.

— Брак даст мне законное основание быть рядом круглосуточно, — разъяснил он. — Право принимать решения в экстренных ситуациях. Доступ к части медицинской информации, если вы окажетесь без сознания. Возможность оформлять охрану без согласований, сопровождать вас там, где работодателя не пустят. Мужа пустят. Везде. Даже в морг.

Слово «муж» ударило странно. Как-то очень приятно. Даже более чувствительно, чем слово морг.

Ли́ка никогда не представляла себе мужа. После Артёма само слово казалось опасным. Муж — это тот, кто имеет право. На время, тело, молчание. Твои оправдания. Чувства. Конечно, умные люди говорили, что это не так. Брак бывает про любовь, партнёрство, заботу, общий плед и смешные переписки. Но у Ли́ки в памяти оставалась другая картинка. Закрытая дверь, чужая злость. Её тонкий голос, который просит не кричать.

— Нет, — решительно сказала она.

Марк кивнул так, будто ожидал.

— Хорошо.

— Хорошо?

— Я не заставляю.

— Очень убедительно! Учитывая папку, фото и брачный договор.

— Я предлагаю.

— Вы предлагаете так, будто уже всё решили.

— Я всё просчитал. Это другое.

— Это не другое. Просто давление вы называете расчетом.

Он молчал. Тишина снова стала удушающей. Ли́ка чувствовала, неприятный холодок в груди. Хотелось уйти. Встать, открыть дверь, выйти в коридор, спуститься вниз, сесть в автобус и вернуться в свою холодную квартиру. Где хотя бы всё было понятно. Бедность. Страх. Гречка. Батарея-философ. Чёрная машина в кустах. Блин!

Чёрная машина. Фотографии. Артём. Мама. Операция.

Ли́ка сжала пальцы до боли.

— Почему вы вообще этим занимаетесь? — всхлипнула она. — Работаю у вас третий день. Я никто.

— Вы моя сотрудница.

— Вы всем сотрудницами предлагаете брак на третий день?

— Нет.

— Значит, я особенная?

— Значит, ситуация особенная.

— Неправда, — прошептала она. — Вы недоговариваете.

Марк отвёл взгляд первым. Всего на секунду. Но Лика заметила. Он посмотрел в окно. На город в редких огнях и тревожную темноту за стеклом.

— Я не люблю терять людей, за которых отвечаю, — неохотно ответил он.

— Вы за меня не отвечаете.

— Уже отвечаю.

— Кто вас назначил?

— Я.

В другое время она бы рассердилась. Сейчас сил на злость не хватало. Его ответ был самонадеянным, невозможным, марковским до последней буквы. И всё же в нём было не только желание владеть ситуацией. Там была боль. Спрятанная. Закованная в чёрный костюм. Но живая.

— Вы безумны, — обвинительно покачала Лика головой.
— Чокнутый.

— Возможно.

— Это плохое качество для мужа.

— Для фиктивного — терпимое.

Она почти улыбнулась. Но вместо этого получился вздох.

— Я не могу выйти замуж за начальника, который ставит жучки в розы.

— Жучки убрали.

— Не все.

— Стратегически важные остались.

— Вот именно.

Марк подвинул к ней ещё один лист.

— Финансовые условия.

Ли́ка не хотела смотреть. Правда, не хотела. Потому что знала. Цифры они такие, опаснее уговоров. На уговоры можно сказать «нет» из гордости. На цифры, когда у мамы больные почки, гордость смотрит молча и отходит в сторонку.

Она всё-таки посмотрела. Сумма была большой. Очень.

Не сказочной для Марка, возможно. Для него что-то вроде: «Не забыть купить кофе». Для Ли́ки — операция, лекарства, реабилитация, аренда, долги. Ну, часть долгов. Возможность не выбирать между маминой жизнью и собственной едой. Цифры расплылись перед глазами. Она моргнула. Потом ещё раз.

— Это за что? — спросила она хрипло. Отчасти не веря своим глазам.

— Компенсация.

— За брак?

— За риски. Переезд. Нарушение вашего привычного режима жизни. За участие в операции.

— В операции?

— По вашей защите.

— Вы даже фиктивный брак называете операцией.

— Так проще.

— Кому?

— Мне.

Ли́ка закрыла лицо руками. Ладони были холодные. А внутри всё гудело. Безумие. Абсолютное. Так не бывает. Нельзя прийти на работу из-за ошибки Т9, а через три дня получить предложение фиктивного брака от начальника в чёрном кабинете. Нельзя. Даже в её жизни, где телефон считал «кампанию» постелью, должен был быть предел абсурда.

Но на столе лежали фотографии. И брачный договор. С предложением финансового решения проблем.

А дома были мамины анализы. Счета. Пустой кошелёк. И гречка. Немного, но была.

Ли́ка убрала руки от лица.

— Если я соглашусь, — спросила она, и голос прозвучал чужим, — это будет фиктивно.

— Да.

— На бумаге.

— Да.

— Без... — она запнулась.

Марк не помогал. Просто ждал. Ли́ка заставила себя договорить:

— Без секса.

Сказать это вслух оказалось тяжелее, чем она думала. Не потому что стыдно. Хотя стыдно тоже. А потому что за этим стояло слишком много прошлого. Артём когда-то сделал её тело территорией страха. Местом, где она не чувствовала себя хозяйкой. И сейчас ей нужно было поставить границу сразу. Жёстко. До того, как любой мужчина решит, что брак —

это право, а не просьба.

— Без секса, — повторила она твёрже. — Без поцелуев. И попыток меня «раскрепостить». Без внезапных касаний, проверок, семейных обязанностей и фраз. Вроде: «Ты же моя жена». Я не умею любить. И не хочу учиться.

Последняя фраза прозвучала резко. Зло. Она сама не ожидала.

Марк смотрел на неё без очков. И это было невыносимо. В его глазах не было насмешки, обиды или мужского раздражения. Только что-то тёмное и очень личное.

— Договорились, — подтвердил он.

Просто. Без торга и всяких «но».

Лица почему-то почувствовала, как подкашиваются ноги. Она ожидала другого. Давления. Слов: «Я не такой». Ненавистная фраза. Все, кто её произносил, обычно были именно такими. Марк ничего не доказывал. Он принял условие. Ее условия.

— И ещё, — быстро проговорила она, пока он не передумал. — У меня будет своя комната. С замком.

— Да. Хотя с двумя.

— И я смогу уйти, если захочу.

— Да.

— Правда?

— Правда.

— Даже, если вы решите, что это небезопасно?

Марк молчал. Потом протянул, совершенно безрадостно:
— Я попытаюсь вас отговорить.

— Марк.

Впервые она назвала его без отчества. Слово сорвалось само. Он заметил. По глазам было видно.

— Да, — сказал он после паузы. — Даже если я решу, что это небезопасно. Вы сможете уйти.

Лица медленно выдохнула.

Она не верила полностью. Доверие у неё было стеклянной пылью от вазы, которую долго топтали. Но его ответ был важен. Очень.

— Тогда, я согласна, — зажмурившись сказала она.

Слова упали между ними, как ключи. В тишине подъезда.

Марк не улыбнулся. Не сказал ничего романтического, слава богу. Он просто развернул к ней договор и положил рядом ручку.

— Прочитайте. И подпишите. Если все вышеизложенное вам подходит.

Лица посмотрела на листы. Буквы прыгали. Пункты, подпункты, условия, компенсации, конфиденциальность, сроки, проживание, охрана. Она понимала, что должна читать. Нормальные люди читают документы. Особенно брачные. Тем более, если их предлагает начальник с привычкой ставить микрофоны в цветы.

Но она видела только сумму. И маму. Худые руки. Голосовое: «Может, подождём». Чек из аптеки. Врача, который

сказал, что лучше не тянуть. Свою кухню, холодную и бедную. Зато с гречкой. Чёрную машину в кустах.

Ли́ка взяла ручку.

— Я всё равно ничего сейчас не пойму, — смущенно ответила она. — Если там пункт есть, что я обязана родить вам наследника, кормить акулу или носить только чёрное, я потом буду кричать. Очень громко. Временами, пронзительно.

— Акулы нет.

— Это не ответ.

— Наследника тоже.

— Чёрное?

— По желанию.

— Щедро.

Она подписала. Не глядя. Подпись получилась не как в паспорте. Скорее, как кардиограмма человека, который вступил в фиктивный брак ради безопасности, денег и полного уничтожения здравого смысла. Если он конечно там когда-то был. В человеке.

Марк взял договор, проверил подпись, поставил свою. Его рука не дрожала. Конечно. У Марка Андреевича Белозёрова, наверное, даже пульс бился расписанию.

Он открыл верхний ящик стола и достал связку ключей. Металл тихо звякнул.

— Что это? — спросила Ли́ка, хотя уже догадалась.

— Ключи от моей квартиры.

Она застыла.

— Уже?

— Переезжаете завтра.

— Завтра?

— Да.

— У меня вещи.

— Соберёте необходимое. Остальное перевезут.

— Кто?

— Мои люди.

— Ваши люди будут трогать мои трусы?

Марк моргнул. Первый раз за весь вечер он выглядел не готовым к вопросу.

— Можно поручить Зинаиде Петровне.

— Нельзя поручить Зинаиде Петровне мои трусы!

— Тогда соберёте сами.

Лица поняла, что смеётся. Тихо. Нервно. На грани. Но смеётся. Ситуация была чудовищная, странная, неприличная и настолько марковская, что даже паника на секунду споткнулась о бытовой абсурд.

Марк протянул ключи. Она не сразу взяла.

— Я не ваша вещь, — гордо сказала она.

— Я знаю.

— Не знаете. Такие, как вы, любят думать, что знают всё.

— Я учту.

— И не надо следить за каждым моим шагом.

— Это будет сложно.

— Марк.

Он посмотрел на неё. Без очков. С усталыми голубыми глазами.

— Я постараюсь, — честно ответил он.

Это было не идеальное обещание. Но от Марка, наверное, почти признанием в слабости.

Лика взяла ключи. Они оказались тяжёлыми. Вместе с ними ей передали чужую жизнь. Вот так то. Раз, и под охраной.

Она встала. Документы Марк сложил в папку и отдал ей копию. На обложке не было ничего, кроме её имени. Лика прижала папку к груди, как утром прижимала сумку. Только теперь внутри была не защита, а решение, которое делило всё на «до» и «после».

У двери она остановилась.

— Марк Андреевич.

— Да?

Она не повернулась сразу. Смотрела на чёрную ручку двери.

— Если это ошибка, она будет самой большой в моей жизни.

— Возможно.

— Вы не умеете утешать.

— Зато умею защищать. Вам теперь это нужнее. Можете мне поверить.

Лика закрыла глаза на секунду. Прозвучало как клятва. С Марком всё время было трудно отличить одно от другого.

Она вышла в коридор. Офис был пустой. Последний этаж

спал в полумраке. В стеклянных стенах отражалась она сама. Светлые волосы, усталое лицо, папка с брачным договором в руках, ключи в кармане. Три дня назад она была безработной девушкой, которую Т9 случайно отправил в чужую постель. Теперь она была почти невестой своего начальника. А еще бъектом охраны, участницей операции. И женщиной, которая только что продала часть своей свободы за шанс спасти маму и, может быть, себя.

Стало страшно. Очень.

Но вместе со страхом пришло странное облегчение. Раньше Лика боялась. Артёма, денег, болезни, ночных звонков, шагов за спиной. Теперь ей всё ещё было страшно. Но страх будто получил форму. Имя. Кабинет. Чёрный костюм. Ярко-голубые усталые глаза.

За неё теперь было кому бояться. И, возможно, было кому защитить. Лика дошла до лифта, нажала кнопку и посмотрела на своё отражение в металлических дверях.

— Поздравляю, Соболева, — прошептала она. — Ты вышла замуж быстрее, чем нашла нормальную работу.

Лифт тихо открылся. Перед тем как войти, она оглянулась на кабинет Марка. Дверь была приоткрыта. Внутри горела настольная лампа.

Он сидел за столом, уже снова в чёрных очках. Будто ничего не произошло. Мир не треснул.

Случайный брак был всего лишь ещё одним пунктом в его плане. Лика вошла в лифт, сжала в кармане ключи и вдруг

подумала, что Т9 сейчас был бы доволен.

Он ошибся совсем не много.

А её жизнь уже не подлежала автозамене.

Ну, погоди у меня!

Глава 5

Глава 5. ПЕРЕЕЗД В ЛОГОВО ЗВЕРЯ

Про переезд стоило рассказать отдельно. Такое событие упускать было нельзя и все тут.

Переезд в квартиру Марка Андреевича Белозёрова выглядел не началом семейной жизни, а эвакуацией свидетеля под контролем спецслужб. Лика стояла у подъезда своего старого дома с двумя чемоданами, сумкой через плечо и плюшевым зайцем под мышкой. Рядом с ней молчал Марк в чёрном пальто, чёрных очках. С лицом человека, который считал переезд операцией повышенного риска.

Заяц портил драматизм.

Он был старый, серый, с длинными ушами и одной пришитой заново пуговицей вместо глаза. Мама подарила его Лике ещё в детстве, когда отец ушёл, а Лика ночью плакала. Говорила, что ей страшно спать. С тех пор заяц переезжал с ней. В общежитие, первую съёмную комнату, потом в квартиру, после Артёма. Теперь вот — в логово мужчины, который ставил жучки в розы и называл брак операцией.

Марк посмотрел на зайца. Лика прижала игрушку крепче.

— Даже не начинайте.

— Я молчу.

— Ваше молчание осуждает.

— Моё молчание анализирует.

— Тогда передайте вашему молчанию, что заяц едет со мной. Он старше наших фиктивных отношений и морально устойчивее нас обоих.

Марк перевёл взгляд на чемоданы.

— У вас мало вещей.

— У меня компактная бедность.

— Это всё?

— Нет. Там ещё пакет с обувью, коробка с книгами и кастрюля. Кастрюля очень личная. Без неё я не переезжаю.

— Кастрюлю заберут мои люди.

— Нет.

— Почему?

— Потому что после фразы «мои люди заберут кастрюлю» я чувствую себя женщиной, которую втянули в криминальную драму с элементами кухонной утвари.

Он ничего не ответил. Просто взял оба чемодана сразу, будто они ничего не весили. Хотя Лика утром почти умерла, пока тащила один от кровати до двери. Она хотела возражать, что сама справится. По привычке. Из упрямства. Старого страха быть обязанной мужчине даже за поднятую сумку. Но Марк уже шёл к машине. Высокий, прямой, абсолютно уверенный. Чемоданы в его руках выглядели не её проблемой, а временным недоразумением.

Лика пошла следом. С зайцем и сумкой. С ощущением, что её жизнь окончательно покинула жанр реализма.

Большая машина ждала у подъезда. Конечно, чёрная. У Марка, кажется, даже тень была чёрная и ходила по расписанию. Водителя не было. Марк сам открыл багажник, уложил чемоданы так аккуратно, будто размещал взрывчатку. И только потом открыл Лике дверь.

Она замерла.

— Что?

— Ничего.

— Анжелика Владимировна.

— Просто... мне редко открывали двери. Просто так.

Марк не изменился в лице, но пальцы на дверце слегка напряглись.

— Садитесь.

Она села.

Машина пахла кожей, кофе и чем-то мужским, дорогим и приятным. В салоне было чисто. Лика сразу почувствовала вину за крошки, которые ещё не успела уронить. Заяц устроился у неё на коленях. Марк сел за руль, завёл двигатель. Двор старого дома начал медленно отступать назад.

Лика смотрела в окно.

Облезлая лавочка. Детская площадка с качелями, которые скрипели от ветра. Магазин на углу. Продавщица там уже знала, что Лика берёт макароны по акции и иногда долго считает мелочь. Подъезд с тусклой лампочкой. Окно её кухни на третьем этаже. Всё было бедным, усталым, неловким, но понятным. Там она знала, где скрипит пол. Как от-

крыть шкаф, чтобы дверца не осталась в руке. И сколько минут нужно греть чайник, чтобы не выбило пробки.

Теперь она ехала к человеку, у которого даже чайник имел охранный сертификат.

— Вы можете вернуться, — смущенно заявил вдруг Марк.

Лица повернулась.

— Что?

— Если передумали.

— Вы же вчера сказали, что переезд обязателен.

— Для безопасности — да. А ваше решение — нет.

Она смотрела на него. Профиль у Марка резкий, почти чеканный. Очки скрывали глаза. Руки на руле лежали уверенно. Он не давил. Не говорил: «Я лучше знаю». Предоставил выбор. Поздно, после договора, но дал.

Лица почувствовала, как внутри что-то болезненно сжалось.

Артём никогда не давал выбора. Даже когда говорил «уходи», это означало «останься и докажи». «Как хочешь», означало «угадай, как хочу я». У Марка с контролем были серьёзные отношения. Возможно, официальные. Но сейчас он предложил ей выбор. Настоящий или почти настоящий. Для неё это было уже много.

— Я не передумую, — подтвердила она решение. А вздох, продавила.

— Уверены?

— Нет. Но у меня вообще с уверенностью не складывается.

ся. Я просто еду.

— Этого достаточно.

— Для вас?

— Для начала.

Она снова посмотрела в окно. Машина выехала из её района, город стал другим. Шире. Чище. Дороже. Витрины засияли, тротуары выровнялись. Люди на улицах выглядели так, будто их никогда не унижал автомат с кофе. Центр города жил быстро и уверенно. Лика чувствовала себя случайным фантиком от конфеты, занесённым ветром.

Дом Марка стоял в тихом переулке недалеко от набережной. Современный, высокий, с большим холлом, живыми растениями и консьержем. Который посмотрел на Лику уважительно, потому что рядом был Марк. И настороженно, потому что рядом был заяц. Лика поймала этот взгляд и чуть сильнее прижала игрушку к животу. Кто их знает, приближенных к столу.

— Это член семьи, — с гордостью донесла она консьержу. Консьерж моргнул.

Марк, не останавливаясь, произнёс:

— Внести в список постоянных посетителей.

Лика удивленно посмотрела на него.

— Вы сейчас про зайца?

— Вы сказали, член семьи.

— Это была шутка.

— У нас строгий пропускной режим.

Консьерж кивнул так серьёзно, что Лика возрадовалась. Теперь где-то в системе допуска уважаемого дома существовал плюшевый заяц с допуском в квартиру Белозёрова. Это было ужасно и прекрасно одновременно.

Лифт поднял их на последний этаж. Чем выше они поднимались, тем сильнее Лика хотела схватиться за стену. Во только, стены в лифте были зеркальными, холодными и слишком честными. В отражении она видела себя рядом с Марком. Маленькая, светлая, с растрёпанной прядью и зайцем. Марк — высокий, тёмный, собранный. С лицом человека, способного вызвать вертолёт одним взглядом. Вместе они выглядели как ошибка кастинга. Ну или пара, по большой любви. Без расчета.

Дверь в квартиру открылась без ключа. По отпечатку пальца. Делов-то. Лика уже ничему не удивлялась. Почти.

Она вошла и остановилась.

Лофт был огромный. Не просто большим. Таким, что в нём можно было потерять настроение и найти его через неделю, у панорамного окна. Высокие потолки уходили вверх в сероватую тень. Стены из необработанного бетона выглядели так, будто их обидели на этапе ремонта и больше не утешали. Полы тёмного дерева мягко блестели, лучились качеством и гладкостью. Мебели было мало. Чёрный диван. Стекланный стол. Металлические стеллажи. Кресла, на которых хотелось сидеть прямо и думать о международной политике.

На стенах висели карты. Город. Районы. Схемы маршрутов. Несколько фотографий зданий. В стеклянных витринах — оружие. Ровно, красиво, пугающе. В углу гостиной стоял манекен.

Лица уставилась на него.

Манекен был одет в чёрный плащ и шляпу.

— Это... — она медленно повернулась к Марку. — Ваш друг?

— Манекен.

— Я вижу, что не живой. Надеюсь. Почему он в плаще?

— Для подбора комплекта.

— Комплекта чего? Ночного кошмара?

— Оперативного образа.

Лица подошла ближе. Манекен молчал. Был в шляпе, как младший брат Марка. Который не прошёл отбор, но сохранил верность стилю.

— У него есть имя?

— Нет.

— Ошибка. Такому нужно имя. Например, Иннокентий.

— Это манекен.

— Иннокентий тоже мог начать с самых низов.

Марк молча снял плащ и повесил на вешалку. Лица заметила, что в квартире было слишком много чёрного. Чёрные шкафы, рамки, светильники. Даже ваза была чёрная. В ней не было цветов. Видимо, цветы сюда приходили только после проверки благонадёжности.

— Вы здесь живёте или готовитесь к финальной битве?
— заинтересованно спросила она, расковыривая забывшись лаковую спинку стула.

— Живу.

— Уверены?

— Да.

— Просто выглядит, как бункер суперзлодея. Который уже купил диван, но пока не определился с планом захвата мира.

— Диван удобный.

— Для допросов?

— Для спины.

Она кивнула. С Марком спорить было трудно. Он отвечал так, будто абсурд был нормой. А она просто не прочитала инструкцию. И теперь тупила.

Он повёл её по коридору. Двери были тёмные, без лишних деталей. Кабинет. Его спальня. Гардеробная. Гостевой санузел. Хозяйственный блок. Лика шла за ним и чувствовала, что её кеды стучат слишком громко. Хотя пол был дорогой и, наверное, поглощал звуки. Когда надо.

— В мою спальню не входить, — приказал Марк.

— Я и не собиралась.

— В кабинет без стука тоже.

— А если пожар?

— Тогда стучать быстро.

— А если вы без сознания?

— Тогда код на двери девять-ноль-семь-пять.

Лика остановилась.

— Вы мне только что сказали код от кабинета?

— На случай чрезвычайной ситуации.

— А если я просто любопытная?

— Тогда камеры зафиксируют нарушение.

— У вас в квартире камеры?

— В общих зонах.

— В коридоре?

— Да.

— На кухне?

— Да.

— В моей комнате?

Он повернулся к ней.

— Нет.

— Правда?

— Правда.

— В ванной?

— Нет.

— Под кроватью?

— Анжелика Владимировна.

— Я просто уточняю границы брака.

— В вашей комнате камер нет. В ванной камер нет. Вещи ваши никто не трогает без разрешения. Входить к вам будут только после стука. Если вы скажете «нет», никто не войдёт.

Она молчала. Не потому, что не верила. Хотела поверить

и боялась этого желания.

— Спасибо, — тихо поблагодарила.

Марк кивнул и открыл последнюю дверь.

— Ваша комната.

Ли́ка шагнула внутрь и потеряла дар речи.

После бетона, стекла, оружия и манекена Иннокентия её комната выглядела как незаконный побег из другого романа. Стены были нежно-розовые. Не приторные, а мягкие, тёплые. Как утренний свет сквозь занавески. У большой кровати присутствовал лёгкий балдахин. На полу лежал ковёр. Цвета пыльной розы. Возле окна стояло кресло с круглой спинкой и маленький столик. На тумбочке — живые цветы. Не чёрные. Золотисто-розовые, свежие. Видимо, кто-то решил, что и в этом доме должно быть хотя бы одно место релакса.

На кровати лежал пыльно-розовый плед.

Тот самый оттенок.

Ли́ка подошла к нему, осторожно коснулась пальцами. Почувствовала, как горло сжимается. Она не хотела плакать. Только не при Марке. Не из-за комнаты. И точно не из-за пледа.

— Это... — начала она и не договорила.

— Зинаида Петровна, — открестился Марк. — Она решила, что цвет графита вам не подходит.

— Мудрая женщина.

— Да.

— Она всё это выбрала?

— Да.

Ли́ка повернулась к нему.

— А вы разрешили?

— Это моя квартира.

— Значит, разрешили.

— Да.

— И оплатили?

— Да.

— И не сказали: «сделайте чёрное, чтобы объект не ослаблялся»?

— Сказал. Зинаида Петровна уведомила: «Еще чего».

Ли́ка улыбнулась.

— Я её начинаю любить.

— Распространённая реакция.

Положила зайца на кровать. Плюшевый ветеран сразу изменил всю комнату. Сделал её настоящей. Не дизайнерской. Не подготовленной для объекта. А её, чуть-чуть.

Марк посмотрел на зайца.

— Где его разместить?

— На кровати.

— Он не мешает спать?

— Нет. Он охраняет.

— От чего?

— От плохих снов.

Марк ничего не сказал. Но взгляд его, даже за очками,

стал странно неподвижным. Будто простая фраза попала не туда, куда планировалось. Лика вспомнила, что Кирилл когда-то упоминал что-то про плюшевого зайца Марка. Или ей показалось? Тогда она не придала значения. Теперь мысль мелькнула и спряталась.

— Шкаф здесь, — рассказывал Марк, открывая дверцу. — Ванная через соседнюю дверь. В шкафу слева кнопка вызова охраны.

Лика медленно повернулась.

— В шкафу?

— Да.

— Если на меня нападут платья?

— Если вы будете прятаться.

Она уже открыла рот, чтобы пошутить, но не смогла. Потому что вдруг представила себя в шкафу. Тёмном. Узком. С телефоном в руке. И кого-то за дверью. Не Марка. Другого. Прошлого. Улыбающегося. Зубы блестят во рту. Страшно.

Марк заметил, как она побледнела.

— Необязательно пользоваться, — быстро заговорил он и даже махнул рукой. — Потом протестируете. Просто знайте.

Лика кивнула.

— Поняла.

Он отошёл на шаг.

— Располагайтесь. Кирилл привезёт остальное через час.

— Кирилл?

— Да.

— Вы доверили ему мою кастрюлю?

— К сожалению.

— Почему «к сожалению»?

— Он делает комментарии.

— Мне уже страшно за кастрюлю. Он не совершит с ней развратные действия?!

Марк выскочил из комнаты, оставив дверь открытой. Ли-ка постояла посреди розовой комнаты, потом медленно села на кровать. Матрас принял её мягко, без скрипа. Непривычно. В её старой квартире кровать скрипела так, будто каждое движение для неё являлось личным оскорблением.

Она огляделась ещё раз.

Розовые стены. Цветы. Плед. Заяц. Новая тишина.

Снаружи была квартира Марка. Холодная. Чёрная. Страгическая. А здесь кто-то сделал для неё маленький остров. Да, не Марк лично выбирал пуфики. Пусть Зинаида Петровна. Но Марк позволил. А в его мире позволить — это почти то же самое, что признать.

Через час приехал Кирилл.

Ли-ка слышала его ещё до звонка. В коридоре за дверью слышались голоса, потом смешок, следом Марковское короткое, «нет». Дверь открылась. В квартиру ворвался Кирилл с коробкой в руках. И лицом человека, который принёс новости скандальной хроники.

— Где наша новобрачная? — громко возвопил он. — А, нет, простите, фиктивная новобрачная. У вас же тут всё по

договору, с пунктами и приложениями.

— Тише, — зашипел на него Марк.

— Почему? У тебя теперь семейное гнездышко. Надо радоваться. Похоже на штаб-квартиру Бэтмена, во время депрессии.

Лика вышла из комнаты. Кирилл увидел её, просиял и потряс коробкой.

— Доставка личных вещей! Одной кастрюли и, кажется, трёх книг с закладками из аптечных чеков! Я ничего не читал. Ну почти. Хорошая кастрюля, кстати. Характерная.

— Спасибо, — церемонно ответила Лика, забирая коробку. — Она многое пережила.

— В этой квартире все что-то пережили, — отмахнулся Кирилл. — Даже манекен в углу. Я предлагал назвать его Валеркой. Но Марк считает, что имя снижает оперативную нейтральность.

— Мы уже выбрали имя, Иннокентий.

Кирилл замер. Потом медленно повернулся к Марку.

— Мы?! Всё. Женись по-настоящему.

— Кирилл.

— Она понимает суть.

— Выйди.

— Я только приехал.

— И достаточно!

Кирилл поставил ещё одну коробку у стены и прошёл на кухню. Был здесь своим. Лика осталась в коридоре, разби-

рая пакет с обувью. Но голоса с кухни были слышны хорошо. Особенно, когда одним из собеседников был Кирилл, а вторым замолчавший Марк.

— Ты с ней жить будешь, серьезно? — прошептал Кирилл так громко, что его, вероятно, услышал и консьерж внизу. — Ты? Человек, который три года не подпускал к своей квартире даже клининг без проверки биографии до пятого колена?

— Тише.

— Ты, который спать без зайца не может?

Лица застыла.

Заяц.

Значит, не показалось.

— Кирилл.

Голос Марка стал опасно тихим.

— Что? Это мило. Очень суровый агент спит с плюшевым зайцем, потому что травмы детства, недолюбленность и всё такое. Маркитос, ты влип.

Послышался звук резкого движения. Потом приглушённое:

— М-м-м!

Лица выглянула осторожно. Марк стоял на кухне и закрывал Кириллу рот ладонью. Кирилл при этом сиял глазами и показывал большой палец вверх. Картина была настолько нелепой, что Лица едва не рассмеялась вслух.

Марк заметил её.

Она тут же сделала вид, что изучает пакет с тапками.

Очень внимательно. Тапки, конечно, были важнейшим предметом оперативной обстановки.

— Я ничего не слышала, — заметила небрежно она.

Кирилл промычал что-то очень похожее на «слышала».

Марк убрал руку и вытолкнул его в сторону коридора.

— Уходи.

— Я ещё не попрощался с Анжеликой Владимировной.

— Попрощался, мысленно.

— Марк, брак требует гостеприимства.

— У нас фиктивный брак.

— Но выгнать друга ты пытаешься по-настоящему. А ее оставить!!

Кирилл успел подмигнуть Лике.

— Если что, я на связи. Если он начнёт сортировать ваши носки по уровню угрозы, звоните. И не верьте, если скажет, что Иннокентий — просто манекен. Там душа. Реально.

Дверь за ним закрылась быстрее, чем Лика успела ответить.

В квартире стало тихо.

Марк стоял у двери, очень прямой, очень собранный и, кажется, немного взбешённый. Лика смотрела на него и старалась не улыбаться. Получалось плохо.

— Маркитос? — спросила она невинно. И несколько раз хлопнула своими длинными изогнутыми ресницами. Получилось очень. Марк зарычал.

— Нет.

— Что нет?

— Ничего.

— Хорошо. А заяц?

— Тоже нет.

— У вас есть плюшевый заяц?

— Нет.

— Кирилл сказал...

— Кирилл скоро будет работать в подвале.

— Вы говорили, подвала нет.

— Построю.

Ли́ка не выдержала и рассмеялась. Смех вышел настоящим. Без нервной истерики. Мужчина в чёрном, с оружием в витринах и манекеном Иннокентием, спал с плюшевым зайцем. Мир внезапно стал менее страшным.

Марк смотрел на неё.

— Что смешного?

— Ничего.

— Вы смеётесь.

— Это защитная реакция на вашу безупречную мрачность.

— Мрачность не бывает безупречной.

— У вас бывает.

Он отвернулся первым. Ли́ка не видела его глаз за очками, но ей показалось, что он смущён. Совсем чуть-чуть. Это было так неожиданно, что захотелось запомнить. Марк Андреевич Белозёров, человек-контроль, человек-плащ, чело-

век «дверь никому не открывать», смутился из-за плюшевого зайца. Ага! А у нее еще один есть!

Вечером они почти не разговаривали. Лика распаковывала вещи в своей комнате. Дешёвые свитера, джинсы, книги, блокнот, фотография мамы в маленькой рамке. Розовая комната постепенно становилась жилой. На кресло лег её плед из старой квартиры. На столе стояла кружка с трещиной, которую она почему-то не выбросила. На подоконнике — маленький кактус, чудом переживший переезд. Готовый теперь стать частью системы безопасности.

Марк несколько раз проходил мимо двери. Не заглядывал. Лика слышала его шаги и каждый раз замирала на секунду. Но дверь оставалась нетронутой. Марк стучал только один раз, когда принёс ей бутылку воды и зарядку.

— У вас старая зарядка, — отметил он.

— У меня старый телефон.

— Телефон опасен.

— Я знаю. Но мы с ним связаны общей травмой.

— Завтра куплю новый.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я не могу просто так принимать дорогие вещи.

— Это средство безопасности.

— У вас всё средство безопасности. Розовый плед тоже?

— Да.

— Что он предотвращает?

Марк посмотрел на плед.

— Дрожь.

Ли́ка замолчала.

Шутка застряла где-то в горле.

Он сказал это негромко. Действительно заметил, что она мёрзнет, когда нервничает. И держит плечи поднятыми. Ночью сворачивается в комок. И решил предотвратить дрожь. Пледом.

— Спасибо, — смутилась она.

— Спокойной ночи.

— И вам.

Он ушёл. Дверь осталась открытой ровно настолько, насколько Ли́ка сама её оставила. Потом она подошла и закрыла. Не на замок. Просто.

Ночью она долго не могла уснуть.

Квартира жила тихими звуками. Где-то глухо щёлкнула система вентиляции. Вдалеке прошуршали шины по мокрой улице. За огромными окнами город светился холодными огнями. В её старой квартире ночью было слышно соседей, трубы, подъезд, лай собаки. Здесь было слышно только тишину. И собственные мысли.

Ли́ка лежала на боку, обняв плюшевого зайца, и смотрела на дверную ручку. Дверь была закрыта. За ней — коридор, бетон, карты, оружие, Марк. Логово зверя. Так она мысленно назвала эту квартиру ещё при входе. Только зверь оказался

странный. Он не рычал. Не ломился. Не требовал. Он расставлял тревожные кнопки, покупал плоды, спорил с Кириллом из-за своего зайца и ходил не топая.

Потом она услышала шаги. Марк. Она уже различала его походку, почти бесшумную. Шаги приблизились к её двери и остановились. Лика задержала дыхание. Ручка не повернулась. Стук не прозвучал. Он просто стоял с той стороны.

Минуту. Может, меньше. Может, больше. В темноте время растягивалось, как старая резинка на волосах. Лика смотрела на ручку и ждала, что страх поднимется привычной волной. Сейчас. Вот сейчас. Потому что мужчина стоит за дверью ночью. Это должно пугать.

Но страх не шёл.

Было странно. Тревожно — да. Непривычно — очень. Но не страшно. Он проверял, на месте ли она. Что с ней всё в порядке. И никто другой не стоит возле неё.

Зверь, который обходит клетку по периметру. Клетка, кажется, была вокруг его собственного страха.

Марк ушёл дальше по коридору. Потом где-то тихо закрылась дверь. Наступила тишина.

Лика лежала в темноте и неожиданно улыбнулась. Совсем чуть-чуть.

Она повернулась на другой бок, подтянула к подбородку розовый плед и устроила зайца рядом на подушке.

— Ну что, — прошептала она ему. — Кажется, нас поселили в бункер суперзлодея.

Заяц молчал. Он всегда был умнее её телефонов.

— Но, знаешь, — добавила Лика уже сонно, — у суперзлодея тёплый пол.

Где-то за дверью снова едва слышно скрипнула половица. Возможно, Марк проходил обратно. Или квартира просто дышала.

Лика закрыла глаза.

И уснула быстрее, чем ожидала.

Глава 6

ГЛАВА 6. МЕНЯ ХОТЯТ УБИТЬ

Утро в квартире Марка Андреевича Белозёрова началось с того, что Лика проснулась и не сразу поняла, где находится. Потолок был слишком высокий. Воздух — чистый. Постель — огромной. А тишина вокруг такая дорогая, что в ней было неловко дышать без предварительного разрешения.

Потом она вспомнила.

Фиктивный брак. Брачный договор. Ключи. Переезд. Марк.

И захотела обратно, где обои цвета старого печенья.

Вчера её вещи перевезли «люди Марка». Это словосочетание само по себе звучало так, будто за ним стояли мужчины в чёрном, грузовик без номеров и фраза «ничего не видели, ничего не слышали». На деле приехали двое вежливых парней, которые аккуратно упаковали её коробки, не задали ни одного вопроса. Даже сделали вид, что розовая пижама с маленькими сердечками — нормальная вещь для женщины, вступившей в фиктивный брак по программе защиты объекта.

Лика сама собрала бельё. Принципиально. После обсуждения с Марком и его предложения привлечь Зинаиду Петровну к судьбе её трусов, она решила, что некоторые рубе-

жи личной независимости нужно держать насмерть. Или они (рубежи) или смерть.

В её комнате было светлее. Марк сказал, что это «зона адаптации». Там стояла новая кровать, шкаф, письменный стол, лампа. И, что потрясло Лику почти до слёз, маленький розовый плед. Не яркий. Пыльно-розовый. Тот самый оттенок, который не орал с утра. Она ничего не сказала. Только коснулась пледа пальцами и почувствовала, как внутри души дрогнуло что-то очень глупое и женское. Видимо, даже у её недоверия были слабые места. Например, текстиль. И плееедик!

Правда, радость длилась ровно до того момента, как она нашла под столом тревожную кнопку.

Розовую.

— В тон интерьеру, — объяснил Марк, когда она вышла с кнопкой в руке.

— В тон моей панике, — жестко парировала Лика. И свела брови.

— Паника должна быть эргономичной.

Так они и начали совместную жизнь. Фиктивную. С тревожной кнопкой.

Утром Лика долго не решалась выйти из комнаты. Вчера они сразу разошлись. Марк показал ей кухню, ванную, дверь своей спальни, дверь кабинета и сказал, что без стука туда входить нельзя. Лика пообещала не входить никуда без стука, включая реальность. Потом закрылась у себя, пе-

ределась в розовую пижаму, села на кровать и минут двадцать смотрела на чемодан. Распаковывать вещи в квартире почти-мужа было психологически сложно. Чемодан тоже смотрел на неё. Осуждающе. И мерзко хихикал. Или Лике так казалось. От стресса.

Сейчас она стояла у двери своей комнаты и подслушивала.

В квартире было тихо. Не бедно тихо, как в её старой кухне. Где скрипел шкаф и соседи сверху тренировали мебель. А богато тихо. Когда техника не шумит, трубы не стонут, окна не пропускают ветер, а тишина просто лежит вокруг, как дорогой ковёр. Наслаждайтесь! Лике в такой тишине было неуютно. Она привыкла к звукам, которые подтверждали. Мир есть, пусть и не очень качественный. Но понятный и свой.

Она осторожно вышла.

Пол был тёплый. Это возмутило её сильнее всего. У людей, оказывается, бывает тёплый пол. Просто так. Не после того, как ты три раза прыгнула на месте и обняла батарею.

На кухне уже сидел Марк. В чёрном халате. И чёрных очках. Маньяк!

Лика остановилась на пороге.

Она видела в жизни разное. Бывшего, который называл ревность любовью. Начальницу, которая разговаривала с кактусом ласковее, чем с сотрудниками. Курьера, однажды доставившего ей чужой торт с надписью: «Прости, Леночка».

Хотя Лика была Леночкой очень относительно, и точно прощать никого не собиралась. Но мужчина в чёрном халате, чёрных очках, за чёрным столом, с чашкой чёрного кофе в руке — это было уже не быт. Это был жесткий нуар, которому выдали ипотеку.

Марк поднял голову.

— Доброе утро.

— Доброе, — поджала губки Лика. — Хотя ваша кухня со мной не согласна.

— Что не так с кухней?

Она огляделась. Столешница из тёмного камня. Стулья из металла и кожи. Встроенная техника. Ровные линии. Ни одной кружки с котиком. Ни одного магнита на холодильнике. Ни одного случайного пакета с пакетами, без которого нормальная кухня не имела права называться кухней.

— Она выглядит как место, где завтракают убийцы. Правда с безупречным вкусом.

— Убийцы обычно завтракают не здесь.

— У вас есть статистика?

— Есть.

Лика молчала.

— Я не буду уточнять.

— Правильно.

Она подошла к столу и заметила, что для неё уже приготовлен завтрак. Тарелка с омлетом, тосты, фрукты, чай. Всё стояло аккуратно, красиво, будто еду собирали по чер-

тежу. На огромной, черной, гладкой тарелке. Рядом лежала салфетка. Белая. Идеально сложенная. Лика посмотрела на это богатство и почувствовала себя человеком, которому случайно выдали завтрак бизнес-класса. А она пришла в пижаме с сердечками. Подлец какой! Мог и предупредить!

Кстати, о пижаме.

Марк посмотрел на неё. Точнее, в её сторону. Через очки было невозможно понять, куда именно. Но Лика всё равно почувствовала, как краснеет.

— Что? — недовольно спросила она.

— Ничего.

— Вы смотрите.

— Я фиксирую изменение обстановки.

— Это называется «женщина в розовой пижаме вышла на кухню».

— Зафиксировано.

— Можете не записывать.

Он не записывал. Что уже было прогрессом.

Ее пижама в этом интерьере выглядела как мятеж. Маленький розовый протест против чёрных стен, оружия, карт. И человека, который даже дома пил кофе так, будто добывал из него секретную информацию. Бедное кофе!

Она взяла вилку, но не сразу начала есть.

— Марк Андреевич.

— Да?

— Мы теперь как бы живём вместе.

— Формально — да.

— И вроде как даже женаты. Почти.

— Процедура регистрации назначена.

— Не напоминайте. У меня нервная система ещё не допила чай.

Он кивнул, будто это была медицинская информация.

— Так вот, — продолжила Лика, — можно личный вопрос?

— Можно.

— Вы хотя бы дома очки снимаете?

Марк замер.

Очень слегка. Почти незаметно. Но Лика уже начинала понимать его неподвижность. У него были разные виды молчания. Рабочее. Опасное. Задумчивое. И вот это — когда вопрос попал туда, где стояла табличка «посторонним вход воспрещён».

— Нет, — решительно сказал он.

— Почему?

— Так удобнее.

— Кому?

— Всем.

— Мне неудобно. Я разговариваю с отражением в стёклах. Сейчас вот вижу там себя, оmlет и женщину, которая явно не знает, как оказалась в браке.

— Эта женщина подписала договор.

— Эта женщина была в состоянии финансового шока.

— Финансовый шок не отменяет подписи.

— Вы ужасный человек. А еще—фиктивный муж!

— Да.

Ли́ка вздохнула.

— Я просто пытаюсь понять. Мы живём под одной крышей. Вы не обязаны передо мной быть шпионом двадцать четыре часа в сутки. Если только это—не ролевые игры. Но они же не ролевые?

Марк молча поставил чашку на стол. Потом поднял руку, достал из кармана халата вторые чёрные очки и надел их поверх первых.

Ли́ка застыла с вилкой в руке.

— Вы сейчас серьёзно?

— Да.

— Я спросила, не снимете ли вы очки, а вы надели ещё одни.

— Это закрывает тему.

— Это открывает новую. О вашей психике.

— Я здоров.

— Кто вам это сказал?

— Врач.

— Он видел двойные очки?

— Нет.

— Значит, диагноз неполный.

Марк взял чашку и сделал глоток кофе. Через два слоя чёрных стёкол он выглядел уже не просто загадочно, а как

человек, который решил засекретить собственное лицо. Даже от мебели. Лика смотрела на него и не знала, смеяться или запрашивать эвакуацию. Кароче. Давайте сюда боевые вертолеты.

— Вы понимаете, что это странно? — продолжила она.

— Да.

— И вас устраивает?

— Да.

— Прекрасно. Тогда я тоже имею право на странности.

— Перечислите.

— Я ем печенье в кровати, разговариваю с чайником, боюсь пылесоса и иногда называю телефон предателем.

— Телефон действительно предатель.

Лика не ожидала согласия и даже растерялась.

На столе рядом с его чашкой лежал его телефон. Чёрный, конечно. Видимо, в квартире Марка даже техника проходила собеседование по цветовой гамме. Ликин телефон лежал возле её тарелки. Она включила его только утром и пока не получила ничего катастрофического. Это настораживало. Т9 обычно не спал так долго без причины. Он был вулканом. Тишина означала накопление давления.

Завтрак проходил странно. Лика ела омлет. Стараясь не думать, что вкуснее всего, что она готовила за последний месяц. Марк пил кофе. Иногда его телефон вибрировал, и он отвечал короткими сообщениями. Хотя сидел прямо напротив живого человека, с которым тоже можно было бы пого-

ворить. Но, возможно, у Марка разговор лицом к лицу считался устаревшим видом связи с повышенным риском утечки эмоций.

Она уже доедала тост, когда её телефон завибрировал.

Сообщение от Марка. Лика подняла глаза. Марк сидел напротив. С чашкой. В халате. В двойных очках.

— Вы издеваетесь? — спросила она, качая головой.

— Нет.

— Вы сидите в метре от меня.

— В одном метре двадцати семи сантиметрах.

— Тем более. Зачем вы пишете?

— Так точнее.

— Точнее, чем говорить?

— Да.

Лика посмотрела на экран. Сообщение было коротким. «Я хочу, чтобы мы были вместе. Ты — моя сотрудница, я — твой начальник».

Лика перестала жевать. Тост превратился во рту в сухой картон. Она перечитала. Потом ещё раз.

Медленно подняла глаза на Марка. Он пил кофе так спокойно, будто только что не отправлял ей фразу. От которой фиктивный брак резко заскрипел под весом двусмысленности.

— Марк Андреевич, — спросила она осторожно. — Что это?

— Сообщение.

— Я заметила. Смысл какой?

— Организационный.

— Организационный?

— Да.

Она повернула телефон экраном к нему.

— «Я хочу, чтобы мы были вместе». Это у вас организационное?

Марк посмотрел на экран. Потом на свой телефон. Потом обратно. Даже двойные очки не смогли скрыть паузу.

— Я писал: «Я хочу, чтобы мы были всегда на связи. Ты — моя сотрудница, я — твой начальник».

— А получилось «вместе».

— Автозамена.

Лица медленно отложила тост.

— То есть теперь и ваш телефон вступил в секту?

— Видимо.

— Отлично. У нас смешанный брак. Я, вы и два психически нестабильных устройства.

Марк взял свой телефон, внимательно посмотрел на сообщение и слегка нахмурился. Хмурился он тоже контролируемо. Чуть-чуть. Без лишней мимики. Как человек, который даже лицевые мышцы подписал на дисциплинарный устав.

— Исправление некорректное, — уведомил он.

— Да неужели.

— Контекст искажён.

— Марк Андреевич, когда мужчина в чёрном халате пи-

шет женщине в розовой пижаме: «Я хочу, чтобы мы были вместе», контекст уезжает без нас и машет из окна.

— Я уточню.

Он начал печатать. Лика резко подняла руку.

— Нет! Не надо. Пока наши телефоны не пройдут обряд очищения, лучше говорите ртом.

Он отложил телефон.

— Хорошо. Я имел в виду следующее. Для вашей безопасности вы должны сообщать мне о перемещениях, состоянии здоровья, контактах, звонках, сообщениях, эмоциональных перепадах и подозрительных событиях. То есть, обо всем.

Лика моргнула.

— Эмоциональных перепадах?

— Да.

— То есть, если я вдруг захочу плакать из-за вашей мебели, вам тоже докладывать?

— Желательно.

— А если я захочу ударить вас подушкой?

— Сначала предупредите.

— Чтобы вы увернулись?

— Чтобы я понял причину.

Лика смотрела на него и чувствовала, как раздражение смешивается с чем-то совсем другим. Он был невозможный. Невыносимый. Контролирующим все до последнего винтика. Но при этом в его нелепом списке — перемещения, здоровье, контакты, эмоции — было то, от чего внутри стано-

вилось опасно тепло. Не потому что он имел право всё это знать. Не имел. Кто-то хотел успеть. Пока не началось.

Успеть защитить.

Доверие начиналось не с громких признаний. А с с омлета на завтрак, розового пледа, тревожной розовой кнопки. Человека, который надевал вторые очки, лишь бы не показывать глаза.

Лица опустила взгляд в тарелку. Сердце билось неровно, но приятно.

Фраза: «Я хочу, чтобы мы были вместе», -- всё ещё свети-лась на экране. Неправильная. Случайная. Автозаменённая. Но почему-то она задевала глубже, чем должна была.

Она не хотела быть вместе. Ни с кем. Особенно с мужчиной. Вместе — это опасно. Сначала тебе говорят, что без тебя не могут. Потом решают, что ты без них не можешь. И вот ты уже стоишь у двери и не знаешь, имеешь ли право выйти. Вот тебе и вместе. Приехали.

В памяти всплыл голос Артёма. Очень положительный и даже тихий голос:

«Тебя нельзя любить, Лица. Ты никчёмная. Тебя можно только терпеть. И то не каждый сможет».

Она тогда плакала в ванной. Включила воду, чтобы он не слышал. Смотрела на себя в зеркало и пыталась понять, что в ней настолько неправильное. Почему её нельзя любить нормально. Без крика и унижения. Без того, чтобы любовь каждый раз приходила с ремнём, ледяным молчанием или фра-

зой «сама виновата».

Прошло три года. Целых три года.

А слова всё ещё жили внутри. Как заноза. Которую не видно, но больно каждый раз, когда кто-то касается.

Марк сидел напротив. В двойных очках. С чашкой чёрного кофе. С тревожной кнопкой где-то в системе его невозможной заботы. Он не говорил «любовь». Он говорил «безопасность», «контроль», «перемещения», «объект». Но Лика всё равно испугалась. Потому что за всем этим могла однажды появиться близость. Не сейчас. Не сегодня. Может, никогда. Но сама возможность была. И становилось очень страшно.

Она взяла телефон.

Нужно было ответить. Что-то простое. Чёткое. Поставить границу. Пока он не решил, что «вместе» — это допустимое слово в их фиктивном браке.

Она начала печатать:

«Меня нельзя любить».

Пальцы дрожали. Она ненавидела эту фразу. Когда-то поверила в неё. Повторяла её, как заклинание. Но лучше, чем потом объяснять, почему она вздрагивает от случайного прикосновения и не умеет принимать заботу. Так, лучше.

На экране появилось:

«Меня нельзя убить».

Лика нахмурилась.

— Нет, — сказала она телефону. — Нет. Не начинай.

Она попыталась стереть слово, но в этот момент Марк поставил чашку на блюдце. Звук был тихим, но в кухне прозвучал неожиданно резко. Лица вздрогнула. Палец соскользнул.

Сообщение ушло.

«Меня нельзя убить».

Она замерла.

Телефон замер.

Мир замер.

Даже Марк, кажется, перестал дышать.

Лица медленно подняла глаза. Марк смотрел на свой телефон. Две пары чёрных очков скрывали его лицо почти полностью. Но она всё равно увидела, как изменилось его тело. Исчезла бытовая неподвижность. Вместо неё появилась рабочая. Опасная. Та самая, которая включалась у него, когда слово «угроза» переставало быть теорией.

Он медленно поставил чашку на стол.

Очень аккуратно.

Слишком.

— Анжелика Владимировна, — произнес он тихо.

— Это не то, что вы подумали.

— Что именно?

— Не знаю. Но, судя по вашей чашке, что-то страшное.

Он поднял голову.

Даже сквозь двойные очки Лица почувствовала взгляд. Он стал тяжелым. Острым. Тёмным, хотя глаза были спрятаны. Если раньше Марк смотрел на неё как на объект охра-

ны, то сейчас — как на тайну. Которая только что случайно оставила отпечатки пальцев на месте преступления.

— Почему же вас нельзя убить? — глухо спросил он.

Ли́ка открыла рот.

— Потому что...

— Кто вы на самом деле? На кого вы работаете?

— Что?

— Кто охотится за вами?

— Марк Андреевич, это Т9!

— Ответ уклончивый.

— Он не уклончивый, правдивый! Я хотела написать «любить». Любить! Понимаете? Не убить. Хотя теперь, честно говоря, хочется кого-нибудь именно убить. В основном, телефон!

Марк не шевельнулся.

— Вы хотели написать: «Меня нельзя любить»?

Ли́ка застыла.

Вот теперь кухня стала по-настоящему тихой.

Она слишком поздно поняла, что объяснение оказалось хуже ошибки. «Меня нельзя убить» --

звучало как шпионская фраза, тайный пароль или признание бессмертной киллерши. «Меня нельзя любить» -- звучало как открытая рана. И Марк, разумеется, услышал именно её. Не Т9. Или смешную нелепость. А то, что она пыталась спрятать под автозаменой.

Ли́ка отвела взгляд.

— Это неважно.

— Важно.

— Нет.

— Да.

— Вы не обязаны всё расследовать.

— Обязан.

— Почему?

— Потому что вы моя жена. Теперь.

Слово ударило резко. Лика подняла на него глаза.

— Фиктивная.

— Юридически — нет.

— По договору — да.

— Для угроз разницы нет.

— Для меня есть.

Марк замолчал. Впервые за утро его контроль дал трещину. Внешне он всё ещё сидел ровно, в чёрном халате и невозможных двойных очках. Как человек, который мог провести совещание даже во время апокалипсиса. Но Лика уже видела его без очков. Знала, что под ними есть усталые голубые глаза. И сейчас почему-то думала именно о них.

Он снял верхнюю пару очков.

Осталась нижняя.

— Кто сказал вам, что вас нельзя любить? — измученным голосом спросил он.

Тихо.

Без блокнота и приказа. Без марковского, так надо.

Ли́ка почувствовала, как внутри поднимается паника. Не та, что от камер и жучков. Другая. Глубже. Болезненная. Когда кто-то подходит слишком близко к месту, где всё ещё живёт прошлое. Достаточно темное, прошлое.

— Никто, — она опустила глаза.

— Ложь.

— Марк...

— Вранье, — повторил он.

Она резко встала. Стул отъехал назад и ударился о ножку стола. Ли́ка сама вздрогнула от звука, но не села.

— Не надо. Пожалуйста. Не сейчас. Не за завтраком. Не в вашей чёрной кухне, где даже омлет выглядит как участник операции. Я не хочу об этом говорить.

Он тоже встал. Но из-за роста и чёрного халата кухня сразу стала меньше. Ли́ка машинально сделала шаг назад. Марк заметил. И остановился.

Между ними осталось расстояние. Безопасное. Достаточно.

— Хорошо, — быстро согласился он.

Ли́ка сжала телефон в руке.

— Вы правда думаете, что я какая-то... не знаю... бессмертная шпионка?

— Я думаю, что вы скрываете информацию.

— Я скрываю желание спокойно доесть.

— Фраза, как «меня нельзя убить», не возникает случайно.

— В моём телефоне случайно возникает всё. Однажды он исправил «доброе утро» на «добей утку». Что, мне теперь подозревать себя в охоте на водоплавающих?

Марк молчал.

— И потом, — продолжила Лика, уже почти с отчаянием, — если бы меня правда нельзя было убить, разве я жила бы так? У меня бы была вилла, золотая карта и отдельная комната для людей, которые задают слишком много вопросов.

— Бессмертие не гарантирует финансовой грамотности.

Лика на секунду сбилась.

— Это была шутка?

— Нет.

— Жаль. Неплохо.

Он прошёл к столу, взял свой телефон и начал что-то искать. Быстро. Сосредоточенно. Опасно.

— Что вы делаете?

— Проверяю старые дела.

— Какие дела?

— О женщинах, которые выживали после покушений и меняли документы.

Лика закрыла глаза.

— Господи.

— Не исключаю программу защиты свидетелей.

— Я не свидетель. Я максимум свидетель того, как Т9 уничтожает чужие судьбы.

— Также возможна амнезия.

— У меня нет амнезии.

— Вы уверены?

— Я помню, как вчера ударилась бедром о ваш дизайнерский табурет. К сожалению, память работает.

— Хорошо. Амнезию пока отложим.

— Пока?!

Марк уже шёл к выходу из кухни.

— Не отвечайте на вопросы, — приказал он.

— Какие вопросы?

— Любые.

— От кого?

— От всех.

— Марк Андреевич!

Он остановился, но не повернулся.

— Теперь это дело моей жизни.

Лица уставилась на его спину.

— Что именно?

— Вы.

Она не нашлась с ответом.

Он вышел из кухни. Через минуту из коридора донёсся звук открывающегося шкафа. Потом — мягкий шелест ткани. Лица, всё ещё держа телефон, выглянула.

Марк стоял у входа. Уже не в халате. В чёрном костюме. В чёрном плаще. В чёрной шляпе.

И снова в очках. Одних. Видимо, для улицы хватало базовой паранойи.

Он выглядел так, будто его только что вызвали на международную спецоперацию. На самом деле его вызвало сообщение: «Меня нельзя убить». Отправленное женщиной в розовой пижаме из-за автозамены за завтраком. Но для Марка, кажется, разницы не было.

— Куда вы? — безнадежно спросила Лика.

— Выяснить.

— Что?

— Всё.

— Вы не можете просто уйти выяснять всё!

— Могу.

— А я?

— Оставайтесь в квартире. Дверь никому не открывать. Окна не открывать. На балкон не выходить. Телефон держать при себе. Тревожная кнопка в вашей комнате, вторая под столом, третья в ванной.

— В ванной?!

— Водостойкая.

— Марк!

Он наконец повернулся.

На секунду между ними повисла странная тишина. Он в чёрном плаще. Она босиком, в розовой пижаме с сердечками, с телефоном в руке. С лицом человека, которого жизнь насильно записала в шпионский фильм без актёрского образования.

— Я не бессмертная, — пропищала она. — Я просто

неудачно печатаю.

— Это мы тоже проверим.

— Что именно? Мою печать?

— Вашу неуязвимость.

Лика почувствовала, что ещё немного — и у неё начнётся истерика. Хорошо воспитанная. В розовой пижаме. С оmlетом в качестве свидетеля.

— Только попробуйте проверить её практически.

— Не планировал.

— У вас лицо человека, у которого планы сами появляются.

— У меня всё под контролем.

— Вот это как раз пугает больше всего.

Он помолчал.

— Заприте дверь за мной.

— С удовольствием. На все замки. И на здравый смысл.

Черт! Его у меня нет!

Марк вышел.

Дверь за ним хлопнула. Не громко. Но достаточно, чтобы Лика подпрыгнула.

Она постояла несколько секунд, слушая, как в коридоре затихают его шаги. Потом подошла к двери, закрыла замок. Второй. Третий. Посмотрела на панель сигнализации, которую вчера ей объясняли полчаса. Она запомнила только кнопку «не нажимать, если не хотите, чтобы приехали все». На всякий случай не нажала.

Вернулась на кухню.

Омлет остыл. Кофе Марка остался недопитым. На столе лежали две пары очков. Нет, одна пара, вторую он забрал. Телефон Лики лежал рядом с тарелкой, экраном вверх. На экране всё ещё светила фраза.

«Меня нельзя убить».

Лица села на стул и закрыла лицо руками.

Она хотела сказать «нельзя любить». Хотела поставить границу. Защитить себя от того, что могло однажды стать болью. А получилось — запустила в голове Марка операцию, масштаб которой теперь, вероятно, включал архивы, наружное наблюдение, людей Кирилла, базы данных. И возможно, покупку серебряных пуль. На всякий случай. Вдруг она не просто бессмертная, а тематическая.

Телефон мигнул. Лица медленно посмотрела на него. Сообщений не было. Просто мигнул. Как будто подмигнул.

— Т9, — тихо прошипела она. — Я тебя убью. На смерть. Пауза.

Она посмотрела на дверь, за которой исчез Марк. Потом на чёрные стены. На оружие, карты. На розовую тревожную кнопку, лежавшую на краю стола. Она зачем-то принесла её с собой из комнаты. Пижама с сердечками, которая в этом лофте выглядела как секретный агент из детского сада.

— Если меня раньше не убьют, из-за тебя, — добавила Лица и поморщилась. Так себе перспективочка.

За окном город жил обычной жизнью. Машины носились

по улицам. Люди спешили по делам. Никто не знал, что на верхнем этаже тёмного лофта сидела женщина, которая случайно стала фиктивной женой своего начальника. Объектом охраны, возможной бессмертной шпионкой и жертвой автозамены.

Лика взяла остывший тост и откусила. Жевала медленно. Потом посмотрела на телефон ещё раз.

— Ну что, агент Т9, — проскрипела она с набитым ртом.
— Поздравляю. Кажется, ты официально начал войну.
Телефон хитро помалкивал.

Лика почему-то была совершенно уверена. Он был абсолютно доволен.

Глава 7

Глава 7. ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ ПО РАСПИСАНИЮ

Во вторник утром Лика обнаружила на кухонном столе документ под названием «График семейных выходов».

Она ещё не успела выпить чай. И проснуться как человек. Морально смириться с тем, что живёт в квартире, где манекен в чёрном плаще занимает угол гостиной. Увереннее, чем она сама. А на столе уже лежал лист с таблицей, подписью Марка Андреевича Белозёрова внизу. Семейная жизнь теперь проходила по регламенту, утверждённому службой безопасности.

Лика взяла лист двумя пальцами.

— Марк Андреевич.

Марк сидел, напротив. В чёрной рубашке, чёрных брюках, чёрных очках и с чашкой чёрного кофе. После недели в его квартире Лика уже перестала удивляться цветовой гамме. Она начала подозревать, если разрезать Марка попалам, внутри тоже будет чёрный кофе, план эвакуации и маленький блокнот.

— Да?

— Что это?

— График.

— Я вижу. Почему в нём есть пункт «семейные выходы»?

— Потому что мы семья.

Ли́ка посмотре́ла на него по́верх ли́ста.

— Мы фиктивная семья.

— Для внешнего наблюдения — нет.

— Для внешнего наблюдения я вообще загадка. Ещё недавно хотела работать в вашей постели, потом стала вашей сотрудницей, затем женой, следом возможной бессмертной шпионкой. Наблюдение, наверное, плачет в подушку.

— Поэтому нужны понятные действия.

— Кому понятные?

— Всем.

Она снова посмотре́ла в табли́цу. Вторник — ужин в ресторане, девятнадцать тридцать. Четверг — ужин в ресторане, девятнадцать ноль-ноль. Суббота — прогулка в парке, двенадцать ноль-ноль. Воскресенье — свободное окно. Рядом с каждым пунктом стояли примечания: «маршрут А», «резервный маршрут Б», «точка отхода», «проверка периметра».

Ли́ка ме́дленно положи́ла ли́ст на сто́л.

— Это не семейные выходы. Это нападение на романтику с использованием табличного редактора.

— Это безопасность.

— Марк, свидание не должно иметь точку отхода.

Он поднял голову.

— Свидание?

Ли́ка за́мерла. Сама не поняла, почему сказала это слово.

Оно выскочило, как её старый автобус на повороте. Неловко и уже без возможности вернуться.

— Ну... как ещё назвать ужин в ресторане мужчины и женщины, которые формально женаты и живут вместе?

— Легенда.

— Прекрасно. Даже хуже.

— В общественных местах на вас легче напасть, — объяснял спокойно Марк. — Значит, я должен быть рядом. Если мы будем появляться вместе регулярно, это снизит вероятность внезапного контакта с угрозой и укрепит образ брака.

— Укрепит образ брака? Вы слышите себя?

— Да.

— И вам нормально?

— Нет. Но это эффективно.

Лица вздохнула. В последнее время слово «эффективно» стало для неё чем-то вроде матерного ругательства. Марк называл эффективным всё, что нормальные люди называли тревожным симптомом. Жучки в розах — эффективно. Машина в кустах — эффективно. Тревожная кнопка в ванной — водостойкая и эффективно. Теперь вот свидания по расписанию. С резервным маршрутом.

— Я не вещь, которую можно встроить в вашу жизнь по графику, — напряженно выдала она и два раза хлопнула ресницами. Все серьезно!

— Я не считаю вас вещью.

— Тогда почему у меня ощущение, что меня поставили в

календарь между проверкой камер и закупкой кофе?

Марк немного помолчал.

— Потому что я плохо формулирую.

Эта честность сбивала Лику с ритма. Она уже приготовилась спорить, махать руками. Объяснять, что человек — не объект, жена — не пункт плана, а ужин — не операция «Котлета под прикрытием». Но он вдруг признал, что проблема есть. Не извинился, конечно. Марк извинялся редко. Возможно, для извинений у него тоже существовал отдельный протокол, который ещё не прошёл согласование.

— Вы хотите, чтобы я ходила с вами ужинать, потому что это безопасно? — уточнила она.

— Да.

— Не потому что вам хочется?

Он снова замолчал. Вот это молчание было не рабочим. Оно было как дверь, за которой кто-то быстро выключил свет.

— Мне нужно, чтобы вы были на виду, — выдавил из себя он. И покраснел!

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который у меня есть.

Лица смотрела на него и понимала, что сердиться становится труднее. Он действительно не умел быть нормальным. Не притворялся, не играл в загадочность, не строил из себя героя романа. Он был человеком, который попытался включить женщину в свою жизнь. И первым делом составил гра-

фик с точками отхода. Это было ужасно. И немного трогательно. Но трогательность Лика решила не показывать. Рано ещё. Пусть сначала научится приглашать без угрозы по периметру.

— Хорошо, — сосредоточенно сказала она. — Но условие.

— Слушаю.

— Никаких слов «объект», «угроза», «периметр» и «резервный маршрут» во время ужина.

— Если появится угроза, я обязан...

— Марк.

Он замолчал.

— Постараюсь.

— И ещё. Вы улыбаетесь.

— Зачем?

— Потому что люди на свиданиях иногда улыбаются. Чтобы окружающие не думали, что вы привели меня опознавать тело.

— Это сложно.

— Улыбаться?

— Улыбаться без причины.

— Причина есть. Мы укрепляем образ брака.

Он посмотрел на неё. Чёрные очки скрывали глаза, но Лика уже умела понимать его взгляд. Иногда он был как закрытая дверь. Иногда как сканер. А сейчас — как человек, который не понимает инструкцию, но готов попробовать. Конеч-

но, если это повысит шансы на выживание всех участников.

— Хорошо, — неохотно согласился он. — Попробую.

Вечером они поехали в ресторан.

Ли́ка впервые за долгое время надела платье. Не вечернее, конечно. В её гардеробе вечерних платьев было ровно ноль. Зато было одно тёмно-синее, купленное когда-то на распродаже в приступе надежды на нормальную жизнь. Платье сидело неплохо, если не дышать слишком глубоко. И не думать о том, что рядом будет Марк. В костюме, который, вероятно, стоил как её прежняя кухня вместе с батареей-философом.

Она долго стояла перед зеркалом в своей розовой комнате. Волосы распустила. Потом собрала. Снова распустила, потому что собранные делали её похожей на секретаря. Провинившегося. Накрасила ресницы. Стерла. Накрасила снова. В итоге выглядела почти ничего. Но! Не было того –ух! Не роковая женщина, которая уверенно входит в ресторан под руку с опасным мужчиной. Скорее, как женщина, не нашедшая гримёрку. И как-то так.

Марк ждал в гостиной.

В чёрном костюме. Чёрной рубашке. Чёрном пальто. Чёрных очках. Без шляпы, и это уже можно было считать уступкой мировому сообществу.

Когда Ли́ка вышла, он замер.

Совсем ненадолго. Но замер.

Она это заметила. Конечно, заметила. Женщина может три года считать себя «никакой». Но если мужчина в чёрных

очках вдруг забывает при ее появлении, как стоять, она это увидит даже в темноте.

— Что? — спросила она, поправляя рукав. — Платье не по протоколу?

— По протоколу, — смущенно ответил Марк.

— У вас есть протокол на платье?

— Теперь есть.

— Это был комплимент?

— Возможно.

— Слабый. Но для начала засчитано.

Он открыл дверь. Лица вышла первой, и почти не споткнулась о коврик. Марк поймал её за локоть ещё до того, как она успела потерять равновесие. Касание было быстрым, аккуратным и тут же исчезло. А жаль!

Она замерла. Не от страха, а от неожиданности. Его пальцы были тёплыми. Это почему-то удивило. В её голове Марк должен был быть холодным. Прямо-- весь. Как оружие в витрине или бетонные стены. А он был тёплый. И сразу отпустил. Ну, вот!

— Спасибо, — церемонно поблагодарила она.

— Ковёр смещён на три сантиметра.

— Не надо мстить ковро. Он не виноват, что я родилась с внутренним штормом.

— Я распоряжусь закрепить.

— Конечно.

Ресторан находился в центре. На тихой улице, где витри-

ны светились мягким золотым светом, а дождь тонкими линиями стекал по стеклу. Внутри было дорого и приглушённо. Белые скатерти. Свечи. Тихая музыка. Люди говорили вполголоса, каждое слово здесь включалось в счёт. Официанты двигались бесшумно. С лицами людей, которые никогда не роняли подносы и не писали «люлю» бывшим.

Столик Марк выбрал в углу. Разумеется.

Там было видно весь зал, оба входа, бар, проход к туалетам, лестницу и, как подозревала Лика, моральное состояние повара. Оно точно было не стабильно.

— Вы сами выбирали? — спросила она, садясь.

— Да.

— Угол. Спина к стене. Обзор всех входов.

— Правильно.

— Это свидание или засада?

— Ужин.

— Дипломатичный ответ.

Марк сел спиной к стене. Лика сидела лицом к нему и боком к залу. Он положил телефон справа, салфетку слева, оглядел помещение и на секунду задержал взгляд на мужчине у бара.

— Марк.

— Что?

— Вы уже нарушаете условие. Вы смотрите как человек, который выбирает, кого обезвредить первым.

— Я оцениваю обстановку.

— Нельзя.

— Почему?

— Потому что сегодня мы изображаем семейный выход. Семейные люди в ресторане обычно смотрят в меню, а не на эвакуационные маршруты.

— Я уже посмотрел меню онлайн.

— До свидания?

— До выхода.

— Господи.

Подошёл официант. Молодой, аккуратный, в белоснежной рубашке и профессиональной улыбкой. Он поздоровался, протянул меню и едва заметно задержал взгляд на очках Марка. Лика не винила его. Мужчина в чёрных очках при свечах выглядел не как гость ресторана. А как человек, который пришёл проверить алиби.

— Добрый вечер. Вы готовы сделать заказ?

Марк посмотрел на официанта так, что тот еще чуть выпрямился.

— Что вы порекомендуете?

Официант начал рассказывать о дорадо, телятине, салате с грушей и каком-то десерте. Название которого звучало как пароль в тайное общество сладкоежек. Лика слушала и пыталась не думать, сколько это стоит. Потом всё-таки посмотрела в меню и внутренне попрощалась с частью души.

— Мне салат, — быстро сказала она.

Марк даже не посмотрел в меню.

— Ей салат, горячее, десерт и чай. Мне стейк, кофе без сахара.

Ли́ка повернула к нему голову.

— Простите?

— Вы голодны.

— Вы не можете знать.

— Вы весь день ели печенье Зинаиды Петровны и яблоко.

— Как не стыдно! Вы следили за моим яблоком?

— Я слежу за вашим питанием.

Официант завис с блокнотом в руке. Пара за соседним столом примолкла.

Ли́ка нежно улыбнулась официанту.

— У нас медовый месяц, — проворковала она. — Он ещё учится делать мне приятно.

Официант моргнул. Благоразумно решил, что за этим столиком лучше не уточнять детали.

— Разумеется, — подобострастно кивнул он и ушёл.

Марк посмотрел на Ли́ку.

— Медовый месяц?

— А что? Мы же укрепляем образ брака. Я стараюсь. Между прочим, импровизирую, без графика.

— Он может сообщить персоналу.

— Что мы женаты? Ужас. Скандал. Немедленно вызовите ЗАГС. Или кого-то ещё.

— Анжелика Владимировна.

— Марк Андреевич.

Они смотрели друг на друга. Он — в очках, неподвижный, строгий. Она — с улыбкой, которая начиналась как защита, а потом почему-то стала настоящей. А еще, она чувствовала ямочки на своих щечках. Очень мило, между прочим.

— Вы могли хотя бы улыбнуться, — прошептала она. — Ну, чуть-чуть. Не так, чтобы треснула ваша система безопасности. Просто, для легенды.

— Я улыбаюсь внутренне!

— Это не считается! Внутреннюю улыбку не видно окружающим.

— Зато она безопасна.

— Для кого?

— Для всех.

Лица покачала головой и взяла бокал с водой.

— Вы невозможный.

— Да.

— Это не комплимент.

— Я понял.

— Хотя иногда почти.

Он молчал. Свеча между ними дрожала, отражаясь в его чёрных стёклах. На улице моросил дождь. Ресторан был похож на маленький остров тепла среди мокрого города. Лица вдруг поймала себя на том, что ей не хочется немедленно сбежать. Было неловко, да. Напряжённо. Странно. Марк всё ещё сидел как начальник службы безопасности. На чужой свадьбе. Но он заказал ей еду, потому что знал, что она

голодна. И поймал за локоть, когда она споткнулась. И не прикасался дольше, чем нужно.

Мелочи. Опасные мелочи.

Принесли салат. Потом горячее. Лика решила не спорить и поест. Тем более еда оказалась такой вкусной, что гордость временно сложила полномочия. Марк почти не ел. Он пил кофе, следил за залом и иногда отвечал на её вопросы короткими фразами.

— Вы вообще бывали на свиданиях? — спросила она, когда официант унёс пустые тарелки.

— Да.

Лика удивилась.

— Правда?

— Да.

— И как прошло?

— Плохо.

— Почему?

— Женщина ушла через двадцать минут.

— Что вы сделали?

— Попросил не садиться спиной к выходу.

— И всё?

— Потом проверил её сумку.

Лика закрыла глаза.

— Марк.

— Она оставила её без присмотра.

— Вы чудовище. Не романтичное.

— Возможно.

— А второе свидание было?

— Нет.

— Удивительно. А почему?

Он посмотрел в сторону окна.

— Сказали, что я пугающий. И маньяк.

Лика хотела пошутить. Уже почти открыла рот. Но фраза прозвучала слишком просто. Без жалости к себе и обиды. Мне сказали, что я пугаю. И он, кажется, с этим согласился. Принял. Надел ещё более тёмные очки. Закрылся. Решил, что раз люди всё равно боятся, можно хотя бы быть полезным. Она поставила бокал на стол.

— Вы пугаете, — сказала честно.

Марк повернул голову к ней.

— Знаю.

— Но не всегда.

Он молчал.

— Иногда вы просто... странный.

— Это лучше?

— Намного. Странность можно пережить. Особенно, если заказывают десерт.

В этот момент у Лики соскользнула вилка. Она попыталась поймать её на лету. Разумеется, не поймала. Вилка звякнула о край тарелки, упала на пол и укатилась под стол.

— Я сама, — проговорила Лика быстро. Видела, как Марк напрягся.

Она наклонилась, чтобы поднять вилку. И в следующий миг всё произошло слишком быстро. Марк резко поднялся, обошёл стол и накрыл её собой. Одной рукой упершись в край стола, другой почти закрывая её плечо. Лица замерла согнувшись пополам. С вилкой в руке и носом почти у его пиджака.

— Не двигайтесь, — прошептал он.

Голос был совершенно не ресторанный. Жесткий. Призывающий.

Лица перестала дышать.

— Что? — выдохнула она.

— В углу подозрительный тип.

Старый страх и новый адреналин столкнулись так резко, что мир на секунду сузился до его руки рядом. Запаха парфюма и тени от его тела. В глазах потемнело, и кровь застучала в висках. Она боялась. Но что странно, не его. Он стоял слишком близко, да. Накрывал собой, да. Но в его движении не было захвата. Только защита. Неправильная, слишком резкая, пугающая. Но защита.

— Где? — прошептала она.

— Справа. Три часа. Белая рубашка. Держит объект.

Лица осторожно повернула голову.

У угла действительно стоял мужчина в белой рубашке.

Официант. С подносом. На подносе стояли два идеальных десерта.

Официант смотрел на них. У него было лицо человека,

который уже повидал в ресторанах многое. Но и он впервые наблюдал, как гость в чёрных очках защищал молодую жену от чизкейка.

Лица медленно выпрямилась. Марк тоже посмотрел внимательнее.

Пауза получилась роскошная.

— Это десерт, — проскрежетала Лица.

— Я вижу.

— Подозрительный тип несёт тирамису.

— Он двигался слишком тихо.

— Он официант. Это его работа. Если официант будет приближаться с криком: «Я несу сладкое, берегитесь!», ресторан потеряет звезду.

Пара за соседним столом уже откровенно смотрела на них. Женщина прикрывала рот салфеткой. Мужчина делал вид, что кашляет, но плечи у него дрожали.

Официант осторожно подошёл.

— Ваш десерт, — совершенно нейтрально сообщил он. И почти поклонился.

Лица сидела красная до кончиков ушей.

— Спасибо. Простите. У нас... — она посмотрела на Марка, который вернулся на своё место. — Медовый месяц с осложнениями.

Официант поставил десерты, раскланялся и очень быстро ушёл.

Марк молчал. Лица взяла ложечку. Руки у неё дрожали,

но уже не от страха. От нервов. И всей ситуации сразу.

— Вы понимаете, что только что спасли меня от колорий?

— Я ошибся.

Он сказал это сухо. Но в голосе было что-то новое. Скорее досада на себя.

— Вы не просто ошиблись. Вы устроили антитеррористическую операцию против тирамису.

— Десерт был в непрозрачной посуде.

— Это креманка.

— Она могла скрывать предмет.

— Да. Малину.

Он посмотрел на десерт. Потом на неё.

— Малина бывает аллергеном.

Лица не выдержала и рассмеялась. Сначала тихо, потом сильнее. Она старалась не привлекать внимания, но получилось плохо. Смех вырвался. Тёплый, живой, почти счастливый. Не потому что всё было идеально. Совсем нет. Но абсурд оказался таким, что страх отступил, не выдержав конкуренции.

Марк сидел, напротив. Неподвижный. В очках. Но Лица вдруг увидела, что его губы дрогнули.

Совсем чуть-чуть.

— Вы улыбнулись, — удивилась она.

— Нет.

— Да.

— Внутренне.

— Нет, внешне. Я свидетель. Могу дать показания.

— Свидетелей легко дискредитировать.

— Особенно, если они в браке с подозреваемым.

Он опустил взгляд к десерту. И снова едва заметно улыбнулся. На этот раз так быстро, что другой человек мог бы пропустить. Но Лика не пропустила. Она вдруг почувствовала странную, почти детскую радость. Не от победы. А от того, что в этом человеке вообще была улыбка. Маленькая. Запертая. Непривычная к свету. Но была.

После этого ужин изменился.

Не сразу. Марк не снял очки, не начал рассказывать смешные истории. И не признался, что всю жизнь мечтал о свидании при свечах. Он всё ещё контролировал зал. Сидел спиной к стене. Попросил счёт раньше, чем Лика успела доесть последний кусочек десерта. Потому что у выхода появился «непредусмотренный поток гостей». И ей пришлось доедать набегу. Потому что было очень вкусно!

Но что-то стало легче и проще.

Лика рассказала ему про маму. Не всё. Просто про то, что Татьяна Васильевна учила русский язык так, будто запятые держат мир от распада. Что однажды мама поставила двойку сыну директора школы и потом неделю ходила как героиня народного восстания. А в детстве Лика думала, если правильно расставить все запятые, жизнь тоже станет понятнее.

Марк слушал молча. Но внимательно. Не как начальник или следователь. Он не умел задавать тёплые вопросы, но

запоминал каждое слово.

— Вы похожи на неё, — заявил он.

— На маму?

— Да.

— Чем?

— Упрямством.

Лица улыбнулась.

— Она сказала бы, что это характер.

— Характер.

— Спасибо.

— Не за что.

Потом он рассказал — очень коротко — что отец у него был военным, и в детстве они переезжали двенадцать раз. Лица спросила, были ли у него друзья. Он ответил: «Нет. Временные союзники». Она хотела пошутить, но не стала. Почему-то представила мальчика со светлыми волосами, который каждый раз приходил в новый класс и заранее знал, что скоро уйдёт. Наверное, так люди и учились не привязываться. Сначала к городам. Потом к людям. Потом к собственным глазам, которые проще спрятать за чёрными стёклами.

— А почему очки? — спросила она тихо.

Марк замер.

— Вы уже спрашивали.

— А вы не ответили.

— Люди врут глазами.

— Все?

— Большинство.

— А вы устали видеть ложь?

Он долго молчал.

— Да, — ответил наконец.

Это было почти откровение. Маленькое. Марковское. Но Лика почувствовала, что ей почему-то доверили что-то важное. Не ключи от кабинета или тревожную кнопку. Гораздо более хрупкое.

Она не стала развивать тему. Кивнула.

— Ясно.

— Вам страшно, когда я их не снимаю?

Лика подумала.

— Иногда. Но когда снимаете, тоже страшно.

— Почему?

«Тогда видно, что вы живой» -- подумала она. Потому что к живому человеку можно привязаться. Холодного начальника легче бояться, чем уставшего мужчину с голубыми глазами. И что делать с теплом, если оно однажды появится.

Вслух она сказала:

— Непривычно.

Он принял ответ или сделал вид.

Домой они возвращались под дождём. Марк держал зонт. Лика шла полностью закрыта им. А у Марка плечо намокало. Она заметила это не сразу. Потом подняла глаза.

— Вы мокнете.

— Нет.

— У вас плечо мокрое!

— Незначительно.

— Зонт можно держать посередине.

— Можно.

— Но вы не держите.

— Нет.

— Почему?

— У вас платье. И выв—девочка.

Ли́ка замолчала.

Всего два слова. Без интонации и улыбки. Даже без романтической музыки. Но они прозвучали как целый ветер нежности. У вас платье. Значит, нельзя, чтобы оно намокло. Лучше пусть мокнет плечо. Ага, он заметил платье. Тогда, он думает о таких вещах! Хотя делает вид, что интересуется только маршрутами отхода.

Она отвернулась, чтобы он не увидел улыбку.

В машине они почти не говорили. Город за окном расплывался в дождевых полосах. Фонари тянулись золотыми нитями, мокрый асфальт блестел, люди прятались под зонтами. Ли́ка чувствовала усталость, но приятную.

В квартиру Марк первым вошёл, проверил коридор, включил свет и только потом пропустил её внутрь. Ли́ка уже даже не спорила. Это была его версия «после вас». Опасная, странная, но узнаваемая.

Он снял пальто. Потом очки.

Лица замерла.

Это случилось неожиданно. На пороге. Без драматической паузы. Он просто снял очки, провёл пальцами по переносице и закрыл глаза на секунду. Глаза у него были покрасневшими, усталыми. Вокруг них легли тени. Без очков он выглядел не слабым, нет. Но почти человеком. Не Марком Андреевичем Белозёровым, владельцем охранного агентства, фиктивным мужем по договору и человеком в чёрном плаще. Просто мужчиной, который устал всё видеть, контролировать и ждать удара. Отчего-то, в спину.

Лица стояла в дверях и смотрела. Он открыл глаза. Голубые. Уставшие. Слишком честные без защиты чёрных стёкол.

— Что? — смущенно спросил он.

Она улыбнулась.

— Ты мог бы их иногда снимать. Для меня.

Он напрягся.

— Зачем?

— Я не кусаюсь.

Марк смотрел на неё секунду. Потом молча достал из внутреннего кармана вторую пару очков и надел.

Лица сначала растерялась. Потом рассмеялась. По-настоящему. Громко. Так, что звук отразился от бетонных стен, витрин с оружием, манекена Иннокентия в углу. И, кажется, даже от системы безопасности Марка.

— Серьёзно? — спросила она сквозь смех. — Опять?

— Да.

— Я говорю: «Ты мог бы снимать очки», а ты надеваешь вторые.

— Эффективный способ завершить тему.

— Эффективный способ довести жену до истерики.

— Фиктивную.

— Тем более. У меня по договору нет обязанности терпеть двойные очки после свиданий.

— Легенд.

— Свиданий, Марк. Смирись.

Он стоял перед ней в двух парах очков, строгий, мрачный и совершенно нелепый. И впервые Лике было не страшно от этой нелепости. Наоборот. Она смеялась и думала, что он, наверное, правда не умеет быть рядом с людьми. Не знает, когда смотреть и отворачиваться, улыбаться и молчать. Он строит графики, проверяет официантов, заслоняет от десертов и прячет глаза.

— Спокойной ночи, Анжелика Владимировна, — чопорно сказал он и ушёл. В спальню.

В двойных очках. О, боже!

Лица осталась в гостиной одна. Иннокентий молчал в углу. На стенах висели карты. За окнами шёл дождь. В квартире всё ещё было слишком много чёрного. Стекла, бетона и мужского контроля.

Но теперь в этой квартире был ещё и её смех.

Лица сняла туфли, взяла их в руку и пошла к своей ком-

нате босиком. На пороге оглянулась на дверь спальни Марка.
— Спокойной ночи, Маркитос, — прошептала она и послала воздушный поцелуй .

Из-за двери донеслось мрачное:

— Я слышал.

Ли́ка зажала рот ладонью, чтобы не засмеяться снова. Быстро скрылась в комнате.

На тумбочке валялся телефон. Экран мигнул. Т9, видимо, ждал своего часа, но сегодня Ли́ка решила не давать ему доступа. Некоторые моменты нужно было проживать без автозамены.

Она переоделась, легла под розовый плед. И неожиданно поняла, что улыбается.

Первое свидание по расписанию оказалось странным. Нервным. Почти сорванным нападением тирамису. Но в какой-то момент, между его «я улыбаюсь внутренне» и мокрым плечом под зонтом, оно стало настоящим.

Совсем чуть-чуть.

Но стало. А что еще бедной девушке надо?

Глава 8

ГЛАВА 8. СЛЕЖКА В ОТВЕТ

Лика поняла, что пора действовать. В среду утром, когда обнаружила в своей сумке маленький чёрный предмет, похожий на пуговицу, семечку и предательство одновременно.

Она вытряхивала из сумки всё подряд, потому что потеряла пропуск. Пропуск, как обычно, лежал не в кармане, не в отделении для документов. В общем, и не там, где должен лежать нормальный пропуск нормального человека. Он прятался между пачкой салфеток, мятой квитанцией из аптеки и конфетой без обёртки, которая, пережила эпоху Артёма, бедность, переезд и теперь претендовала на бессмертие. Вместе с пропуском на стол выпала эта маленькая чёрная штука.

Лика долго смотрела на неё.

Потом подняла пинцетом для бровей, потому что руками трогать было неприятно. Не из брезгливости. Из уважения к шпионскому жанру.

— Марк, — сказала она очень тихо. Очень-очень.

Вещь молчала. Но молчала виновато.

Она понесла находку на кухню. Марк сидел за столом с кофе, ноутбуком, чёрными очками и получал удовольствие от такой жизни. С выражением лица человека, которому в

детстве вместо сказок читали инструкции по эвакуации.

— Доброе утро, — приветствовали его Лика.

— Доброе.

— У меня в сумке завелась фауна.

Он поднял голову.

— Что?

Она положила предмет на стол.

Марк посмотрел на него. Потом на Лику. Снова на предмет.

— Это маяк.

— Я очень рада, что вы так спокойно произносите слова, от которых у нормальных людей возникает желание вызвать полицию.

— Полицию вызывать не нужно.

— Почему? Потому что полиция тоже у вас, в сумке?

— Маяк мой.

— Вот это, конечно, меняет дело. Не чужая слежка, а домашняя. Семейная. Почти уютная.

Марк взял маяк и убрал в карман.

— Он нужен для вашей безопасности.

— А моё согласие нужно для моей безопасности?

— В идеале — да.

— А в вашей реальности?

— В моей реальности угрозы не спрашивают согласия.

Лика села напротив и скрестила руки на груди. Она уже знала, что спорить с Марком — это как бодаться с бетонной

стеной, которая прошла курсы риторики. Но сегодня внутри у неё было не обычное раздражение. Там проснулось что-то новое. Упрямое. Живучее. Почти весёлое.

— Значит, вы следите за мной, потому что переживаете.

— Да.

— А если я начну следить за вами, потому что переживаю?

Марк замер. Совсем чуть-чуть. Но замер. Можно сказать, приостановился.

— Это не требуется.

— Очень жаль. Я уже почти купила плащ.

— Не надо.

— Чёрный?

— Тем более.

Он вернулся к ноутбуку, считая разговор законченным. Марк часто так делал. Просто закрывал тему, как дверь кабинета. Щёлк — и всё. Но Лика впервые вдруг не захотела быть человеком, которого закрыли снаружи.

Она смотрела на него. На аккуратные движения, идеально ровно поставленную чашку, чёрный телефон рядом с локтем. И думала, что он знает каждый её шаг. Когда она ест, куда идёт, сколько минут стоит у окна. Где у неё тревожная кнопка, какая у мамы операция и кто у неё бывший. А она о нём не знала почти ничего. Кроме того, что он любит чёрный цвет, не любит ложь, спит или не спит с плюшевым зайцем и умеет спасти женщин от официантов с тирамису.

Это было несправедливо. И гадко. И опасно.

В тот же день Лика начала собственное расследование.

Назвала его «Операция «Не такая уж я и мышь»». Потом телефон предложил исправить на «Опция: Слышь, мышь!» и Лика решила записывать всё в бумажный блокнот. Бумага не предавала. Максимум — мялась. Ну и терялась, да.

Первый этап был простым. Наблюдение.

Лика сидела в своём кабинете напротив Марка и делала вид, что сортирует документы. На самом деле она смотрела. Осторожно. Краем глаза. Как настоящая шпионка. Ну, почти. Настоящие шпионки, наверное, не роняли скрепки каждые пять минут, когда объект наблюдения вставал из-за стола.

Марк был странно предсказуем. В девять десять — кофе. В девять пятнадцать — звонок Кириллу. В десять ровно — проверка отчётов. В одиннадцать тридцать — разговор с кем-то короткими фразами: «Нет». «Ищите дальше». «По старым связям». «Без полиции». В двенадцать сорок он смотрел камеры. Лика поняла это по отражению в стекле. На его мониторе мелькали подъезд, улица, её старый двор, остановка.

Её остановка. Между прочим!

Она замерла с папкой в руках.

Марк не шутил. Он действительно смотрел записи. Не для галочки. Он сидел неподвижно, чуть наклонившись к экрану. Перематывал видео назад, потом вперёд, потом снова на-

зад. На паузе оставалось зернистое изображение тёмной машины у её подъезда.

Лика почувствовала, как по спине прошёл холод.

Это было уже не смешно.

В этот момент в её кабинет вошла Зинаида Петровна с чаем и блюдцем печенья.

— Милочка, вы опять забыли поесть.

Лика вздрогнула и чуть не уронила папку.

— Зинаида Петровна, вы тоже ходите бесшумно?

— В моём возрасте это не бесшумность, это экономия сил.

Она поставила чай на стол и проследила за взглядом Лики. Дверь кабинета Марка была приоткрыта. На экране всё ещё виднелась камера её подъезда.

Зинаида Петровна вздохнула.

— Третью ночь почти не спит.

Лика резко посмотрела на неё.

— Кто?

— Кто у нас тут любит кофе как родного сына?

— Марк?

— Марк Андреевич, — поправила Зинаида Петровна автоматически. — Хотя после фиктивного брака, наверное, можно и Марк. Но я старая женщина, мне нужно время на перестройку моральных конструкций.

— Он не спит из-за этих записей?

— Просматривает камеры. Ваш дом, офис, маршрут, ап-

тека, остановка. Периметр поставил ещё в первый день, как вы появились. Сначала я думала, опять его обычная паранойя. А потом увидела фотографии.

Ли́ка медленно села.

— Вы тоже видели?

— Я секретарь, милочка. Я видела столько, что после смерти мне, запретят вход в рай из-за избытка конфиденциальной информации.

— И что там?

Зинаида Петровна посмотрела на неё внимательно. По-доброму, но серьёзно.

— Это совсем не шутки. Дорогая.

Ли́ка молчала.

— Марк Андреевич бывает странным, — продолжила Зинаида Петровна. — Бывает невыносимым. Бывает таким чёрным, что хочется поставить рядом настольную лампу и полить фикус. Но если он сказал, что за вами охотятся, значит, охотятся. За вами. И он не играет.

— Он всегда так защищает сотрудников?

Зинаида Петровна слегка улыбнулась.

— Нет.

— А как?

— Обычно эффективнее и на расстоянии. Без брака, розовых комнат и личных обходов дверей по ночам.

Ли́ка почувствовала, что краснеет.

— Я не говорила про ночи.

— А я и не спрашивала.

Секретарша поправила очки и уже направилась к выходу, но у двери остановилась.

— Только вы не думайте, что должны ему за это. Марк Андреевич, конечно, склонен считать себя главным героем всех операций, но вы не вещь в сейфе. Если он перегибает, говорите.

— Он не слушает.

— Слушает. Просто вид делает, что записывает угрозы в блокнот.

После этого Зинаида Петровна ушла, оставив Лику с чаем, печеньем и ощущением, что мир стал сложнее. Марк следил за ней. Это раздражало. Пугало. Злило. Но он не спал третью ночь. Смотрел записи. Искал того, кто наблюдал за ней раньше него. И от этой мысли злость не исчезла, но внутри появилась трещина. Маленькая. В неё проникло тревожное тепло.

Второй этап операции Лика назвала: «Сбор улик».

Здесь начались сложности.

У настоящих шпионок были навыки. Тренировки. Маленькие камеры в серьгах. У Лики был телефон с Т9. Который мог отправить врагу: «Я вас обожаю» вместо, «Не понимаю!» И кеды, которые пищали по чистому полу. Но отступить она не собиралась. Слишком долго она была человеком, с которым «что-то происходит». Теперь ей хотелось сделать хоть что-то самой. Пусть с другими тоже что-то произойдет.

Первый шанс появился ближе к вечеру.

Марк вышел из кухни в офисной зоне квартиры, чтобы ответить на звонок. И оставил телефон на столе. Один. Чёрный. Блестящий. Опасный. Лика стояла возле кофемашины. И смотрела на него так, будто перед ней лежал не телефон, а граната с отполированным экраном. Нельзя. Конечно, нельзя. Это чужая вещь. Личное пространство. Граница. Всё то, чего она так требовала для себя.

Но он следил за ней. Ставил маяк в сумку. Смотрел её маршруты. И где-то в его телефоне могла быть правда о том, почему она каждую ночь просыпалась от малейшего шума. А во дворе всё чаще появлялись чужие машины.

— Я не лезу в личное, — прошептала она. — Я лезу в безопасность.

Заяц, сидевший на диване, молчал. Манекен Иннокентий в углу тоже. Оба явно не одобряли, но письменных возражений не подали. Вот и пусть молчат дальше.

Лика подошла к столу.

Телефон Марка не был заблокирован. Это само по себе было подозрительно. Человек, который ставил тревожную кнопку в ванной, оставил телефон открытым? Либо он совсем не ожидал предательства от женщины в розовых носках, либо это была ловушка.

Лика оглянулась. Марк говорил в коридоре. Голос был низкий, сдержанный. Слов не разобрать.

Она взяла телефон. Сердце застучало так громко, что мог-

ла сработать сигнализация. На экране был открыт чат с неизвестным номером. Без имени. Только цифры. Последние сообщения были короткими.

«Она в опасности. Не спускай глаз».

Выше:

«Найди, кто за ней стоит».

Ещё выше:

«Время выходит».

Лица похолодела.

Она быстро сфотографировала переписку своим телефоном. Руки дрожали, и первый кадр получился смазанным. Второй тоже. На третьем всё было видно. Она успела пролистнуть немного выше. Там были старые сообщения. Даты. Периоды. Не все про неё. Но несколько — точно.

«Бывший активировался».

«Его люди видели её у аптеки».

«Не доверяй открытым каналам».

Лица забыла дышать. Бывший. Артём. Значит, Марк знал. Или подозревал. Значит, её страх не был фантазией. Здесь кто-то действительно писал: «Она в опасности».

Шаги Марка в коридоре стали ближе. Лица едва не уронила оба телефона. Она положила его телефон обратно, но не так. Чуть левее. Боже. У Марка чашка стояла по линейке, ручка по диагонали, жизнь по плану. Он заметит телефон, сдвинутый на два сантиметра, и вызовет группу захвата.

Она быстро подвинула его. Слишком вправо. Потом об-

ратно. Потом поняла, что выглядит как человек, который пытается вернуть на место вещественное доказательство.

Шаги почти у двери.

Ли́ка схватила свою кружку, сделала вид, что пьёт кофе. Обожгла язык.

— Ай, — прошипела она.

Марк вошёл.

Посмотрел на неё. На кружку и телефон на столе. Потом снова на неё.

— Что случилось?

— Горячо.

— Кофе был приготовлен семь минут назад. Температура должна быть приемлемой.

— Я чувствительная.

— Заметил.

Он взял свой телефон. Ли́ка попыталась не смотреть. Получилось так плохо, что она смотрела ещё внимательнее. Марк ничего не сказал. Только на секунду задержал палец на экране. Потом убрал телефон в карман. Ли́ка поняла, что он заметил. Конечно, заметил.

Но промолчал.

Третий этап начался в офисе на следующий день. Ли́ка решила следить не только за Марком, но и за тем, что происходит вокруг него. Она задержалась в архиве, потому что оттуда через приоткрытую дверь было слышно часть разговоров в его кабинете. Да, подслушивать было нехорошо. Но

ставить маяки в чужую сумку тоже не значило в этикетке для молодожёнов. Фиктивных или нет.

В кабинете у Марка был Кирилл.

— Ты выглядишь как человек, который пьёт кофе вместо крови, — ворчал Кирилл. — Хотя нет, кровь, наверное, полезнее.

— Говори по делу.

— По делу: наружка подтвердила. Возле её старого дома крутился человек Артёма. Не сам Артём, но из его круга.

У Лики пальцы похолодели. Она прижалась спиной к стеллажу и боялась пошевелиться.

— Имя, — сказал Марк.

— Пока проверяем. Но связь есть. И ещё. Незвестный номер, который тебе пишет, снова недоступен. Одноразовая симка. Человек знает слишком много.

— Найди.

— Я пытаюсь, Маркитос. Но ты же понимаешь, может быть, это не враг.

— Все неизвестные — потенциальные враги.

— По твоей логике половина города враги. Хотя после твоего свидания с официантом я согласен насчёт ресторанной сферы.

— Кирилл.

— Молчу. Но серьезно. Ты не спал? Опять?

— Неважно.

— Важно. Ты заикливаешься.

— Она под угрозой.

— Она ещё и человек. Не только угроза на ножках.

— Я знаю.

— Нет. Ты знаешь маршруты, камеры, контакты, медицинские данные и, прости господи, график её завтраков. Но ты не знаешь, как с ней просто быть.

Повисла пауза.

Лица затаила дыхание.

— Я учусь, — неохотно сказал Марк.

Так тихо, что Лица едва слышала.

Кирилл тоже замолчал. Видимо, даже его ямочки на щеках в этот момент потеряли дар речи.

— Ого, — выдал он наконец. — Записать бы. Марк Белозёров признал, что чему-то учится. Исторический день. Где Зинаида Петровна? Надо нести пирожки.

— Выйди.

— Всё, выхожу. Но я скажу. Если ты будешь держать её как объект, она сбежит. Если будешь держать как женщину, тоже сбежит, потому что ты страшный. Попробуй вообще не держать.

— Кирилл.

— Да ухожу я. Не смотри на меня так, у меня костюм новый.

Лица едва успела отойти от двери архива, когда Кирилл вышел. Он увидел её почти сразу. Конечно, увидел. Подмигнул, как человек, который понял всё. Но решил сделать вид,

что она просто любовалась пыльными папками.

— Анжелика Владимировна, — бодро крикнул. — Архив — прекрасное место. Здесь хранятся тайны, старые договоры и сотрудники, которые случайно слышали лишнее.

Она покраснела.

— Я искала папку.

— Конечно. Папку «Маркитос и его эмоциональная недоступность», третий стеллаж направо.

— Кирилл.

— Молчу-молчу.

Он ушёл, тихо смеясь. Лика осталась в коридоре с чувством, что её операция становится всё менее тайной и всё более похожей на школьную постановку «Юный разведчик и скрипучий пол».

Но информация была важной. Человек Артёма. Неизвестный номер. Марк не спит. Марк учится.

Последнее почему-то задело сильнее всего.

Весь день она собирала кусочки. Случайные фразы. Взгляды. Документы, которые Марк убирал слишком быстро. Сообщения, которые приходили ему. К вечеру в блокноте Лики появилась схема. Очень плохая. С кривыми стрелками, вопросительными знаками и одним большим кружком вокруг имени «АРТЁМ???». Внизу она написала: «Марк не псих. Ну, или псих, но по делу».

Телефон тут же предложил исправить «псих» на «пирог». Лика посмотрела на экран.

— Не сейчас.

Вечером она решилась на последний шаг. Самый глупый и смелый.

Сказала Зинаиде Петровне, что ей нужно в аптеку. Это было почти правдой. Ей действительно нужно было купить маме лекарства. Но вместо того, чтобы сразу ехать домой, Лика прошла лишние три квартала, свернула в маленький сквер, потом к старой кофейне, следом к остановке на другой улице. Она хотела проверить, кто двинется за ней. Чёрная машина? Человек Артёма? Марковы люди? Все сразу?

Сердце колотилось так, будто тоже участвовало в операции и требовало премию.

Она чувствовала себя шпионкой. Плохой. Очень плохой. Шпионкой, которая дважды свернула не туда. Один раз испугалась дворника, другой раз уронила аптечный пакет и чуть не сказала голубю: «Вы за мной?»

Но внутри царил азарт.

Новый. Острый. Почти пьянящий. Она не пряталась. Не ждала. Сама проверяла. Выбирала маршрут. Пусть с трясущимися коленками. Но сама.

Через полчаса она поняла, что за ней идёт мужчина в серой куртке.

Возможно.

Или просто шёл в ту же сторону.

Он появился у аптеки. Потом в сквере. Возле кофейни. Лика пыталась не паниковать. Получалось плохо. Мужчина

был среднего роста, в кепке, с телефоном в руке. Он не приближался. Не смотрел прямо. И именно поэтому выглядел подозрительно.

Лика ускорила шаг. Он тоже. Она свернула к остановке. Он остановился у киоска. Она выдохнула.

Потом увидела чёрную машину Марка на другой стороне улицы. Не близко. Но достаточно, чтобы понять: он тоже здесь.

Конечно.

Её операция «слежка в ответ» превратилась в матрёшку. Она следит за Марком, Марк следит за ней, кто-то следит за ними обоими. Т9, вероятно, следил за русским языком и добывал выживших.

Лика села в автобус, доехала до дома Марка, поднялась наверх и почти бегом вошла в квартиру. Ей нужно было умыться, переодеться, сделать вид, что ничего не было. И подумать. Лучше — завтра. Или никогда.

На кухне было темно. Только у окна горела тонкая полоска городского света. Марк сидел за столом. Без лампы. В чёрной рубашке. В очках. С чашкой кофе в руке. Лика остановилась на пороге.

— Вы где были? — спросил он.

Голос тихий. Хуже, чем если бы он кричал.

— Гуляла, — ответила она.

— Врёте.

Она сжала ремешок сумки.

— А вы следите.

— Да.

— Тогда зачем спрашиваете?

— Хотел услышать, скажете ли правду.

— Проверка?

— Да.

— Я не ваш сотрудник на полиграфе.

— Вы моя жена.

— Фиктивная.

— Лика.

Он редко называл её просто по имени. Без отчества. Когда называл, воздух менялся. Становился тоньше. Опаснее. Она вдруг устала.

От тайных маршрутов. Переписок. Угроз. Фотографий. От того, что ей двадцать четыре года, а она уже так много раз боялась, что страх стал почти привычкой. Марк знает каждый её шаг, но не говорит главного. Она сама лезет в его телефон, потому что иначе не выдерживает.

Лика прошла к столу и села..

— Тогда скажи, — начала она тихо. — Если знаешь каждый мой шаг, скажи всё. Кто за мной охотится? Артём? Его люди? Кто пишет тебе с неизвестного номера? Почему ты не спишь? Почему ты смотришь камеры моего старого дома ночами? Почему ты делаешь вид, что это просто работа, если это уже давно не похоже на работу?

Марк молчал.

Она видела только его очки. Чёрные. Глухие. Невозможные.

— Я видела сообщения, — добавила она. — «Она в опасности». «Не спускай глаз». «Время выходит». Я сфотографировала. Да, это плохо. Да, я полезла в твой телефон. Но ты полез в мою жизнь первым, Марк. Всю. С ногами, камерами, маяками и брачным договором.

Он поставил чашку на стол.

— Я знаю, что вы смотрели телефон.

— Конечно, знаешь. Ты же замечаешь, если пылинка лежит не по уставу.

— Да.

— И ничего не сказал?

— Хотел посмотреть, что вы сделаете дальше.

Лица почти рассмеялась.

— Вы невыносимы.

— Да.

— Это не комплимент.

— Я знаю.

Тишина снова заполнила кухню. За окном горел город. Лица слышала собственное дыхание.

— Кто за мной охотится? — повторила она.

— Пока все следы ведут к Артёму, — ответил он. — Но есть кто-то ещё. Кто-то, кто предупреждает меня. Или манипулирует. Я не знаю.

— Почему ты мне не сказал?

— Потому что вы и так боитесь.

— Я имею право бояться правды, а не только теней.

Он медленно снял очки.

Лица замерла.

Глаза у него были красные от усталости. Голубые, острые, но сейчас почти измученные. Без очков он выглядел не слабым. Скорее человеком, который слишком долго держал дверь плечом. Чтобы внутрь не вошло что-то страшное.

— Да, — ответил он. — Имеете.

Она не ожидала. Не такого ответа. Точно. Марк провёл ладонью по лицу. Это движение было усталым. Человеческим. Совсем не начальственным.

— Я не знаю, кто именно дергает за нитки, — сказал он. — Артём слишком очевиден. Он опасен. Но он не настолько умен, чтобы действовать так чисто. Его люди есть рядом. Я их вижу. Но кто-то ещё подбрасывает информацию. Кто-то знает ваши маршруты. Вашу мать. Старые связи. И мои действия тоже знает.

Лица похолодела.

— То есть следят не только за мной?

— За нами.

Слово «нами» прозвучало слишком просто. И близко.

— И ты всё это тянешь один?

— У меня есть Кирилл. Люди. Ресурсы.

— Я не про это.

Он посмотрел на неё. Без очков. И Лица впервые увиде-

ла, насколько он устал. Не физически только. Глубже. Устал быть тем, кто всё видит. Должен предугадать и обязан успеть.

— Почему ты так переживаешь? — спросила она. — Я правда хочу понять. Это не работа. Не только работа. И не говори снова, что вы моя сотрудница. Я больше не выдержу этой романтики из отдела кадров.

Марк не улыбнулся. Он молчал почти минуту. Лика даже подумала, что он снова закроется, наденет очки, скажет «вам нужно отдыхать» или «обсудим утром». Уйдёт. Спрячется. Превратит всё в протокол.

Но он не ушёл.

— Я боюсь за тебя, — выдохнул он. И замер.

Лика перестала дышать.

Каждое слово будто давалось с усилием. Он не привык выпускать их наружу без брони.

— Впервые в жизни мне не всё равно.

Лика смотрела на него и не знала, что делать с этой фразой. Мне не всё равно.

Для Марка, который прятал глаза, писал графики вместо приглашений, ставил маяки вместо разговоров и называл заботу безопасностью, это звучало как прыжок с крыши без страховки.

Лика почувствовала, как у неё дрожат пальцы.

— Марк...

— Не отвечай, — быстро сказал он.

Она моргнула.

— Что?

— Не надо. Я не требую реакции. Я сказал, потому что ты спросила.

— Ты всегда так? Сначала признаёшься в чём-то человеческом, а потом запрещаешь собеседнику участвовать?

— Да.

— Удобно.

— Безопасно.

Лица вдруг улыбнулась. Слабо. Нервно. Но улыбнулась.

— Невыносимый.

— Да.

Она опустила взгляд на стол. Между ними стояла чашка с остывшим кофе. Рядом лежали её руки. И его. Он не тянулся к ней и не пытался взять за пальцы. Не нарушал границу. Просто сидел напротив без очков, с усталыми глазами и страшной честностью. Пугающей сильнее любой слезки.

— Я не хочу снова быть чьей-то вещью, — смущенно призналась Лица.

— Не будешь.

— Ты не можешь решать за меня.

— Знаю.

— Нет, не знаешь.

Он кивнул.

— Учусь.

Она вспомнила разговор в кабинете. Кирилл говорил ему то же самое. Попробуй не держать. И Марк ответил: «Я

учусь».

Ли́ка посмотре́ла на него внима́тельнее.

— Ты правда учи́шься?

— Плохо.

— Зато че́стно.

— Иногда че́стность не по́мощает.

— По́мощает. Просто не сразу.

Он молчал.

За окном моросил дождь. Город светился. Где-то далеко, за стенами этой слишком чёрной квартиры, были чужие люди, машины, Артём, неизвестный номер и опасность. У которой пока не было лица. Но сейчас Ли́ка сидела на кухне напротив Марка. Чувствовала не только страх, но и странное доверие.

Очень маленькое.

Пугливое.

Как животное, которое вышло из-под дивана. Но ещё не решило, можно ли есть с руки.

— Я больше не хочу быть подопытным кроликом, — отважилась она озвучить свою позицию.

— Хорошо.

— Если ты что-то узнаёшь обо мне — говоришь мне.

— Если это не навредит операции.

— Марк.

Он выдохнул.

— Говорю.

— И никаких маяков в сумке.

— Один.

— Никаких.

— В брелке?

— Марк!

— Хорошо. Никаких маяков без согласия.

— И никаких жучков в цветах.

— В цветах давно нет.

— Правда?

— Правда.

— А где есть?

Он надел очки.

— Спокойной ночи, Лика.

Она уставилась на него.

— Нет, так нечестно.

— Вы устали.

— Я сейчас начну проверять всю квартиру.

— Не советую.

— Почему?

— Найдёте.

Лика открыла рот. Потом закрыла. Потом поняла, что смеётся. Тихо, устало, но всё-таки смеётся. Марк не улыбнулся. Но очки он надел не сразу полностью. На секунду задержал их в руке, будто позволил ей ещё чуть-чуть видеть его настоящим.

Потом всё же спрятался.

— Завтра утром обсудим план, — решительно сказал он.

— Какой план?

— Вашего участия в расследовании.

Лица выпрямилась.

— Моего?

— Вы всё равно будете лезть.

— Буду.

— Лучше под контролем.

— Марк.

— Лучше вместе, — поправил он после паузы.

Вот теперь она не нашлась с ответом. Слово «вместе» больше не звучало как ловушка. Не полностью. Оно всё ещё пугало. Но уже не душило. Возможно, потому что Марк произнёс его так, будто сам боялся не меньше.

Лица встала из-за стола.

— Тогда завтра, — чопорно сказала она.

— Да.

Она дошла до двери кухни, но остановилась.

— И Марк?

— Да?

— Я тоже боюсь.

Он не сказал: «Не бойся». Только кивнул.

— Я знаю.

— Но мне уже не так страшно, когда ты говоришь правду.

Он молчал.

Лица ушла в свою комнату, закрыла дверь и прислонилась

к ней спиной. Сердце всё ещё билось быстро. В телефоне лежали фотографии чужой переписки. В блокноте — её смешная кривая схема. В жизни — опасность, которая наконец стала настоящей, а не призраком.

Но ещё в этой жизни теперь был человек, который сказал. «Мне не всё равно».

Ли́ка легла в кровать, обняла зайца и посмотрела в темноту.

— Ну что, агент Соболева, — прошептала она. — Кажется, тебя повысили.

Телефон на тумбочке мигнул.

Ли́ка взяла его и увидела уведомление от Т9 в подсказках, хотя она ничего не печатала.

«Милые вместе».

Она медленно положила телефон экраном вниз.

— Даже не начинай, — простонала она.

Но улыбнулась.

Глава 9

ГЛАВА 9. ПОЦЕЛУЙ ДЛЯ ПРИКРЫТИЯ

В субботу Марк вывел Лику гулять.

Именно вывел. Другого слова она подобрать не могла. Прогулка у Марка Андреевича Белозёрова была не прогулкой, а контролируемым перемещением гражданского лица по зелёной зоне с возможностью экстренного отхода. К машине. В его телефоне, конечно, был маршрут. В блокноте — запасной маршрут. В голове — ещё три, если первые два сгорят, утонут или будут захвачены врагом.

Лику узнала об этом утром, когда на кухне, между чаем и тостом, получила от Марка сообщение: «Парк. 19:00. Удобная обувь. Без ярких предметов. Телефон заряжен. Волосы лучше собрать».

Она посмотрела на него. Он сидел напротив, в чёрной рубашке и очках, пил кофе. И делал вид, что не приглашал её на свидание языком инструкции к эвакуации.

— Волосы лучше собрать? — грозно спросила Лика.

— Да.

— Комплимент?

— Безопасность.

— Марк, если мужчина хочет пригласить женщину погулять, он обычно пишет: «Пойдём в парк». Максимум: «Возь-

ми куртку, вечером прохладно». А не «волосы лучше собрать», будто я сейчас пойду не по аллее, а в засаду. Под видом берёзы.

— Деревья затрудняют обзор.

— Конечно. Бедные деревья. Росли себе, не знали, что мешают твоему браку. И обзору.

— Фиктивному.

— Деревьям всё равно.

Он отложил телефон и посмотрел на неё поверх чашки. Очки, разумеется, не снял. Лика давно подозревала, что они приросли. К его самообладанию.

— Это не свидание, — обижено сказал он.

— А что?

— Плановая прогулка в рамках легенды.

— «Легенда» — это у нас теперь кодовое имя романтики?

— Мм.

— Ясно все с вами.

Лика вспомнила, что за последние дни в её жизни появились чужие фотографии, неизвестный номер, человек Артёма, маяки, камеры и фраза «за нами следят». Парк в сумерках, конечно, не выглядел лучшим местом для прогулки. Но спорить с Марком было бесполезно. Если он решил, что прогулка нужна, значит, так тому и быть. Прогулка уже была вписана в его внутренний штабной журнал и отменить её могло только стихийное бедствие. Или Кирилл, если вдруг приедет на самокате и устроит саботаж.

Дождь закончился только вечером. Город блестел вымытой витриной. В воздухе пахло листьями, сырой корой. Летним холодком, который появляется после дождя. Лика надела джинсы, кеды и светлый свитер. Волосы, из принципа, сначала распустила. Потом посмотрела в зеркало, представила, как Марк скажет «волосы снижают обзор». Скрипя зубами собрала в небрежный хвост. Не потому что он сказал. А потому что ей самой так захотелось. Вот.

В прихожей уже ждал Марк. В чёрном пальто, чёрных очках, без шляпы. Это можно было считать смягчённой прогулочной версией. На руке у него были тонкие чёрные перчатки.

— Перчатки? — воскликнула Лика. — Я не готова! К перчаткам.

— Мне холодно. После дождя.

— Вы точно из-за холода, а не чтобы не оставлять отпечатков на скамейках?

— Оба варианта разумны.

Она закатила глаза.

— Когда-нибудь вы скажете что-то милое, и я упаду. В обморок.

— Не надо.

— Вот. Упустили шанс.

До парка они ехали молча. Марк вёл сам. Лика смотрела в окно и пыталась не думать о том, что это их первая прогулка после разговора на кухне. После его «впервые в жизни мне не

всё равно». Всё стало сложнее. Опаснее. И, что хуже всего, намного интереснее.

Парк встретил их мокрыми аллеями и редкими фонарями. Не совсем ночь, но густая вечерняя темнота. Деревья становятся чёрными силуэтами, скамейки выглядят подозрительно. Каждый шорох в кустах обещает либо романтику, либо уголовное дело. Вдалеке слышались голоса. Где-то смеялись подростки. По дорожке пробежала собака. Радостная, мокрая и абсолютно не вовлечённая в международный заговор.

Ли́ка вдохнула сырой воздух.

— Здорово.

— Слишком много укрытий, — буркнул Марк.

— Я сказала здорово, а не «оцени местность для диверсии».

— Одно другому не мешает.

— Мешает, Марк. Очень мешает. Особенно если рядом идёт женщина, которая пытается почувствовать себя на прогулке.

Он посмотрел на неё. Через очки. Но Ли́ка уже почти умела чувствовать, когда он не просто смотрит.

— Хорошо, — сказал он после паузы. — Красиво.

Она удивлённо повернулась.

— Вы сейчас согласились?

— Да.

— Без поправки про сектор обстрела?

— Пока.

— Прогресс.

Они пошли по аллее. Лика старалась держаться рядом, но не слишком близко. Марк шёл так, будто сам парк подчинялся его шагу. Бесшумно, с постоянным вниманием к пространству. Он не крутил головой, как нервный турист. Нет. Он просто видел всё. Слева — скамейка. Справа — кусты. Впереди — поворот. Позади — пара с собакой. У фонаря — мужчина с сигаретой. Лика замечала это по едва уловимым движениям его лица. По тому, как чуть менялся угол плеч. А рука иногда приближалась к боку под пальто.

— У вас там оружие? — спросила она тихо.

— Да.

Споткнулась на ровном месте. Марк поймал её за локоть.

— Осторожно.

— Я задала вопрос, ожидая, что вы скажете: «Нет, конечно, Лика! Мы просто гуляем».

— Зачем мне врать?

— Чтобы моя нервная система не подала заявление на развод.

— У нас фиктивный брак.

— Моя нервная система всё равно против.

Он отпустил её локоть сразу, как только она выровнялась. Лика отметила это. Опять. Он всё время ловил и отпускал. Как будто знал, что держать нельзя. Или учился. Его пальцы были в перчатках, но она всё равно почувствовала тепло че-

рез ткань своего свитера. Не страшно. Но, не по себе.

Она снова пошла рядом и попыталась отвлечься.

— А вы вообще умеете гулять?

— Да.

— Без цели?

— Нет.

— Я так и думала. А в детстве?

— В детстве прогулки были связаны с переездами.

Лица посмотрела на него.

— Двенадцать городов?

— Двенадцать переездов. Городов было меньше. Некоторые повторялись.

— Звучит как плохой сериал с военным папой.

— Такая жизнь.

Лица почувствовала, что под короткой фразой, лежит много нерассказанного. Мальчик со светлыми волосами. Новый двор. Новый класс. Новые дети, которым нужно объяснить, почему ты опять «новенький». А потом снова собирать вещи. Может, именно поэтому Марк теперь всё фиксировал. Маршруты. Людей. Опасности. Если мир всё время двигается, хочется хотя бы самому стать центром. Который устоит.

— У меня в детстве прогулки были проще, — разоткровенничалась Лица. — Двор, качели, мама на лавочке с тетрадями. Она проверяла сочинения, а я пыталась не упасть с велосипеда. Плохо пыталась.

— Падали?

— Постоянно. Однажды въехала в клумбу и сказала маме, что это художественный трюк.

— Она поверила?

— Сказала, что жест слабый, зато падежи в объяснительной расставлены правильно.

Марк молчал секунду.

— Хорошая мама.

— Да.

Лица улыбнулась. Мама была хорошая. В возрасте, уставшая, больная. Слишком гордая, чтобы просить. И добрая, чтобы ругать жизнь вслух. Ради неё Лица сейчас шла по мокрому парку рядом с фиктивным мужем, который был вооружён, напряжён и готовился к нападению. Белки.

Вдалеке кто-то громко рассмеялся. Марк чуть повернул голову.

— Расслабьтесь, — распорядилась Лица. — Это подростки.

— Подростки непредсказуемы.

— В этом они похожи на мой T9.

— Ваш T9 опаснее.

— Не спорю.

Они прошли ещё немного. Аллея стала темнее. Фонари здесь стояли реже, деревья нависали ниже. Мокрые листья блестели в слабом свете. Парк словно сменил тональность. Было всё ещё красиво, но тревожно. Лица почувствовала, как Марк меняется. Внешне он всё так же шёл рядом. Но

воздух вокруг него будто натянулся. Он чуть замедлил шаг, потом остановился.

— Что? — спросила она шёпотом.

— Тихо.

Лица сразу замолчала. И тут из кустов справа выскочил человек.

Всё произошло мгновенно. Тёмная фигура, резкое движение, мокрый шорох веток. Лица даже не успела вскрикнуть. Марк уже был перед ней. Просто возник. Закрыв собой так быстро, будто ждал этого каждую секунду с момента выхода из дома.

Первый мужчина ударил. Марк отклонился, перехватил руку, развернул нападавшего и ударил локтем в корпус. Коротко. Сухо. Без красивого киношного размаха. Человек согнулся, но второй уже вышел слева. Тоже в чёрном. Капюшон. Лицо в тени. В руке что-то блеснуло.

Нож.

Лица похолодела.

— Марк! Мама!

Второй прыгнул вперёд. Марк успел отвести удар, но лезвие всё же чиркнуло по рукаву пальто. Движение было таким быстрым, что Лица не поняла, задело ли кожу. Сердце ударило в груди так сильно, что стало больно.

Марк ударил нападавшего по запястью. Нож упал на мокрую дорожку. Звук был тихий, почти жалкий. Потом Марк шагнул, ударил коленом, развернулся. И второй мужчина

рухнул на землю рядом с первым.

Вся драка длилась меньше минуты.

Может, меньше двадцати секунд.

Но Лике показалось, что за это время парк успел составить-ся. Снова начался и закончился дождь. А её душа трижды написала заявление об увольнении.

Стояла на месте, не в силах пошевелиться. Руки дрожали. Ноги стали ватными. В горле застрял крик, который так и не вышел.

Марк быстро наклонился к одному из нападавших, проверил карман. Вытащил что-то маленькое, сунул себе в карман. Потом поднял нож носком ботинка, отбросил в сторону кустов и схватил Лику за руку.

— Идём.

— Они... живы?

— Да.

— Вы уверены?

— Да.

— А если...

— Анжелика, идём.

Его пальцы сжали её руку крепко, но не больно. Он тянул её по аллее, быстро, почти бегом. Она спотыкалась, поскользывалась на мокрых листьях, едва успевала за ним. В голове стучало одно: это не игра. Не жучки в розах. Не официант с тирамису. Не «подозрительный тип» в ресторане. Это были люди. Настоящие. В чёрном. С ножом.

Кто-то правда хотел её достать.

И Марк только что встал между ней и этим ножом.

— За нами следят, — бросил он, не оборачиваясь. —

Нужно уходить.

— Кто? Те двое?

— Не только.

— Что значит не только?

— Позже.

— Ненавижу ваше «позже».

— Живым людям проще объяснять.

— Это ужасное утешение.

— Эффективное.

Они свернули с основной аллеи на боковую дорожку. Здесь было темнее. Где-то впереди виднелся выход к улице. Но до него нужно было пройти мимо старой беседки и длинного ряда кустов. Марк внезапно остановился.

Лица почти врезалась в него.

— Что?

Он повернулся к ней, одной рукой быстро сдвинул её ближе к себе и прижал к стволу дерева у края аллеи. Очень уверенно. Так, что она оказалась между влажной корой и его телом.

Лица застыла. Слишком близко.

Запах дождя на его пальто. Кофе. Холодный воздух. Металл. Его дыхание возле своей щеки. Сердце начало биться уже не только от страха.

— Марк...

— Молчи.

Он наклонился к ней. Лика увидела своё отражение в его чёрных очках. Маленькое, испуганное, с растрёпанным хвостом и широко раскрытыми глазами. А потом он достаточно громко, чтобы слышали произнёс:

— Прячемся. Это враги.

— Что?..

Ответа не было. Потому что он поцеловал её. Быстро. Внезапно. Уверенно.

Лика не успела ни оттолкнуть, ни испугаться правильно. Ни даже вдохнуть. Его губы коснулись её губ. Мир, который только что был мокрым парком, угрозой, ножом и тёмной аллеей, вдруг стал одним поцелуем. Острым, как вспышка в темноте.

На грани опасности. Адреналин в крови, его рука рядом с её плечом. Тело закрывает её от аллеи, а её пальцы сами вцепились в его пальто. Потому что иначе она могла упасть.

И всё же в поцелуе не было насилия. Он прикрывал их этим странным, невозможным жестом. Как плащом. Но тело Лики поняло иначе. Оно не знало про тактические манёвры. Несколько секунд.

Всего несколько.

Но Лике показалось, что она успела прожить отдельную жизнь. Марк отстранился первым.

Резко. Он не посмотрел ей в глаза. Точнее, Лика не уви-

дела бы всё равно из-за очков. Но он сразу повернул голову, проверил аллею, кусты, беседку, темноту впереди. Его ладонь всё ещё была рядом с её плечом, но не касалась. Между ними было несколько сантиметров воздуха. Эти сантиметры обжигали сильнее, чем сам поцелуй. Однако!

Ли́ка пыталась дышать. Не получалось.

— Идём, — приказал Марк.

Он взял её за руку снова и повёл к выходу из парка. Быстро, но уже осторожнее. Ли́ка шла рядом, не чувствуя ног. Где-то сзади слышались голоса. Мужские. Приглушённые. Марк ускорился. У выхода стояла его машина. Чёрная, конечно. Влажная после дождя. Слишком реальная после всего, что только что произошло.

Выехал с парковки так спокойно, будто они просто закончили приятную прогулку и не оставили за собой двух людей на мокрой аллее.

Первые пять минут молчали.

Ли́ка сидела, сжав руки на коленях. На губах будто осталось чужое тепло. Его. И от этой мысли становилось жарко, стыдно и хорошо. Вопросов было слишком много.

Ранен ли Марк? И зачем он её поцеловал?

Последний вопрос был самым глупым. И самым важным. Ли́ка пыталась поставить его в конец очереди. После ножей, наёмников и угроз. Но он лез вперёд. Наглый, горячий, с запахом дождя и кофе.

Она осторожно посмотрела на Марка.

Он сидел прямо. Руки на руле. Очки. Челюсть напряжена. На рукаве пальто был разрез. Под ним виднелась тёмная ткань пиджака. Крови не было. Или она не видела.

— Вас задело? — спросила она тихо.

— Нет.

— Вы уверены?

— Да.

— Марк.

— Царапина на пальто.

— Я спрашиваю не о пальто.

Он на секунду задержал дыхание.

— Меня не задело.

Лица кивнула. Это должно было успокоить. Не успокоило.

Снова молчание.

За окном город плыл мокрыми огнями. Машины шуршали по асфальту. Люди шли под зонтами. В салоне было тепло. Лице хотелось открыть окно, но она боялась пошевелиться. Марк первым нарушил тишину.

— Тактический манёвр.

Лица медленно повернула голову.

— Что?

— Поцелуй. Мы должны были выглядеть как обычная пара.

Она несколько секунд смотрела на него. Внутри что-то вспыхнуло. Не то злость, не то стыд. Не то желание кинуть в него чем-нибудь тяжёлым. Желательно, из семейных цен-

ностей.

— Обычная пара? — переспросила она.

— Да.

— В парке. У дерева. После драки. Почти бытовая сцена.
У всех так по субботам.

— Нас могли заметить.

— Кто?

— Наблюдатель.

— И наблюдатель должен был подумать: «А, всё нормально, молодожёны целуются после обезвреживания наёмников»?

— Да.

Она открыла рот. Закрыла. Потом снова открыла.

— Марк, вы иногда говорите такие вещи, что мне хочется вызвать вашему здравому смыслу скорую.

— Манёвр сработал.

— Вы уверены?

— Нас не преследуют.

— Может, потому что вы двоих вырубили.

— Это тоже фактор.

Лица отвернулась к окну. На щеках горел румянец. Она злилась. Он поцеловал её без предупреждения, а теперь называл это манёвром! Так нельзя! Даже если кругом враги. А сердце ведёт себя как предатель и требует повторить эксперимент! Исключительно, для проверки данных.

Она сжала руки крепче.

— Предупреждать надо! О таких маневрах! — сквозь зубы просвистела она. — Безобразие!

— Надеюсь, следующего раза не будет.

Сердце Лики странно ухнуло вниз.

Вот и всё. Конечно. Для него это была тактика. Легенда. Обычная пара как элемент маскировки. Ничего больше. А она уже успела почувствовать то, что чувствовать не собиралась.

— Да, — кивнула. — Конечно. Не будет.

Он чуть повернул голову. Хотел что-то сказать. Не сказал.

Молчание стало другим. Наполненным. Тем, что оба отрицали. Слишком старательно.

Дом встретил их тёплым светом в холле и спокойным кивком консьержа. Марк шёл рядом, но не касался её. В лифте они стояли на расстоянии, которое выглядело приличным. Ощущалось как пропасть. Лика смотрела на цифры этажей. Марк — на отражение в дверях. Она знала, что он проверяет, нет ли за ними кого-нибудь. Всегда проверял. Но почему-то казалось, что в отражении, он иногда поглядывает и на неё.

В квартире он первым снял пальто и сразу осмотрел рукав. Разрез был длинным. Лика подошла ближе, не спрашивая разрешения.

— Покажите руку.

— Я сказал, меня не задело.

— Сейчас же.

Он посмотрел на неё. В очках.

— Лика.

— Я сказала.

Пауза.

Потом он снял пальто. Закатал рукав пиджака и рубашки. На предплечье была тонкая красная царапина. Не глубокая, но настоящая. Лика почувствовала, как холод снова проходит по спине.

— Это не «не задело».

— Поверхностно.

— У вас даже ранения по уставу называются скучно.

Пошла за аптечкой. Нашла её в ванной с первого раза, потому что в квартире Марка даже бинты лежали так, будто их построили перед строевым смотром. Вернулась на кухню, поставила аптечку на стол.

— Садитесь.

— Я сам.

— Конечно. Вы вообще всё сами. Сидеть.

Он сел.

Это было неожиданно.

Лика обработала царапину. Руки дрожали, но она старалась делать аккуратно. Марк молчал. Его кожа была тёплой. Под пальцами напрягались мышцы, когда холодный антисептик касался пореза. Она чувствовала это слишком остро. После поцелуя каждое прикосновение стало будто острее.

— Больно? — поинтересовалась она.

— Нет.

— Врёте?

— Да.

Она подняла глаза.

Он смотрел на неё. Без улыбки. Лица вдруг улыбнулась сама.

— Прогресс.

— Ваша заслуга.

— Не начинайте быть милым. Я не готова.

— Я не милый.

— Вот это уже привычнее.

Она наклеила пластырь. Отпустила его руку и тут же почувствовала, как ей не хватает этого тепла. Ужасно. Просто катастрофа. Её организм явно перешёл на сторону врага. Вот гадство!

Марк опустил рукав.

— Спасибо.

— Не за что.

Они стояли на кухне. Близко. Между ними был стол, аптечка, недосказанность и поцелуй. Его Марк официально признал тактическим. Лица хотела уйти в свою комнату. Нужно было уйти. Срочно. Пока не спросила что-нибудь опасное. «А без слезки, ты бы всё равно?..»

Нет.

Нельзя.

Она взяла аптечку.

— Я пойду.

— Лика.

Она остановилась.

— Да?

Марк молчал. Лика видела, как он будто борется с собой. Слова у него всегда были как заключённые под охраной. Он выпускал их редко. Только по необходимости.

— Не хотел вас напугать, — смущенно произнес и отвернулся.

Она сжала аптечку.

— Я знаю.

— Если бы был другой вариант...

Она повернулась к нему.

— Тогда скажите честно. Это правда был только тактический манёвр?

Тишина. Длинная для простого «да».

Марк стоял неподвижно. Очки скрывали глаза. Челюсть была напряжена.

— Необходимый манёвр, — выдавил он.

Лика кивнула.

— Спокойной ночи.

— Спокойной.

Она ушла в комнату и закрыла дверь. Потом прислонилась к ней спиной и закрыла глаза.

Губы всё ещё помнили.

Лика медленно подошла к кровати. Села, обняла зайца. В голове снова и снова вспыхивала аллея. Его рука. Шёпот:

«Прячемся. Это враги». И поцелуй. Несколько секунд, которые оказались длиннее всей её прошлой недели.

Она думала о том, что хотела, чтобы он поцеловал её снова. Не потому что враги. Просто так.

От этой мысли стало жарко и страшно. Гораздо страшнее, чем в парке. Потому что от наёмников можно было спрятаться за Марком. А от собственного желания спрятаться было некуда.

Телефон на тумбочке мигнул. Лика взяла его. На экране было сообщение от Марка.

«Завтра обсудим падение. Отдадите». Через секунду появилось второе. «Поцелуй тоже».

Лика перестала дышать. Потом третье. «Т9. Нападение! Обсудим. Не поцелуй! Полицию».

Она посмотрела на экран. Потом медленно уронила лицо в ладони.

— Агент Т9, — прошептала она. — Ты работаешь за любовь или за хаос?

Телефон молчал. Но Лика уже знала.

Оба ответа верны.